

M. Andeally

A man and a woman are shown in a close embrace in a gym setting. The man is shirtless, revealing a tattoo on his left shoulder, and has his arms around the woman. The woman is wearing a black boxing vest, black gloves with 'RANI' on them, and black shorts. They are both looking at each other with affection. The background is a dimly lit gym with some equipment visible.

**ПОДПУСТИ
МЕНЯ БЛИЖЕ**

Раунд 2

Марсия Андес

Подпусти меня ближе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26122480

Аннотация

После расставания Егора и Сони проходит 3 года. Герои вырастают, взрослеют и меняются. Школьная любовь испаряется под натиском реальности и старых обид. Матвей, Егор, Соня и Маша. Четыре человека, чьи жизни изменились после трагичного случая в прошлом. Что заставит их снова встретиться? И кто тот таинственный незнакомец, который постоянно присылает им письма, утверждая, что знает их самые страшные тайны? Содержит нецензурную брань.

Наадя – Псы с городских окраин

Пролог.

Две машины и один мотоцикл стоят посреди пустой дороги ночного города. Улицы пустые и спокойные, и кажется, будто все жители испаряются, словно по щелчку, не оставив ни малейшего шанса найти их.

Огни ночного города освещают пространство, вывеска круглосуточной аптеки на мгновение гаснет и меняет цвет с зелёного на синий, светофор возле поворота настойчиво мигает жёлтым.

Четыре человека стоят в центре и вглядываются в лица друг друга.

Что приводит их сюда?

Девушка на каблуках в кожаной куртке со светлыми выкрашенными волосами, завязанными в пышный хвост. Её рука опущена, а пальцы сжимают мотоциклетный чёрный шлем. Позади неё стоит байк, на котором она совсем недавно сюда приехала.

Брюнетка в чёрных туго зашнурованных берцах, в армейских штанах и в распахнутой чёрной толстовке, за спиной которой в полуобороте стоит машина. За рулём сидит пятый человек и терпеливо ждёт возвращения своей спутницы.

Черноволосый парень в белой футболке, тщательно прячущий пятна то ли грязи, то ли крови на своей груди за коф-

той со сломанной змейкой. Его губы сухие и потрескавшиеся, под глазами синяки, а в боковом кармане рюкзака в пузырьке из-под обезболивающих припрятаны сильные транквилизаторы.

Последний парень – русский с пронзительными голубыми глазами. У него разбита губа и рассечена бровь. Толстовка застёгнута, капюшон накрывает голову, на ногах кроссовки и спортивные штаны.

Позади парней третий автомобиль – его двери распахнуты, двигатель не выключен.

Четыре человека. Дети из прошлого, связанные страшными тайнами и ошибками, не горящими никаким желанием, чтобы их секреты были раскрыты.

В этот переломный момент всё и начинается, а, может быть, просто заканчивается?

Так, что же приводит их сюда?

Брюнетка достаёт из кармана небольшую карточку и показывает остальным. Те, в свою очередь, повторяют её движение и поднимают руки с точно такими же бумажками, на которых написаны дата, время и место.

Карточки, которые приводят их сюда, которые вырывают из настоящего и заставляют встретиться с прошлым. Карточки, уверяющие каждого из них, что знают его самые страшные тайны.

Ребята, не говоря ни слова, практически одновременно опускают руки, делают шаг назад, разворачиваются и на-

правляются к своему транспорту. Блондинка к байку, парни к машине, брюнетка к своему спутнику. Она открывает переднее сидение и забирается в салон, захлопывая дверь чуть сильнее, чем это надо.

– Поехали, – бросает она, наблюдая за тем, как вторая девушка надевает шлем и седлает свой мотоцикл.

– Уверена? – спрашивает водитель.

Его спутница медлит, сжимая пальцами карточку, и отворачивается от окна.

– Да.

Он поворачивает ключ, заставляя двигатель очнуться, меняет передачу и рывком разворачивает машину. Бросив последний взгляд на мотоциклистку, брюнетка открывает форточку и выбрасывает скомканную бумажку с адресом – её тут же подхватывает порыв ветра и уносит куда-то в сторону, надеясь, что вместе с этим мусором избавляется и от всего остального.

Но на вопрос так и не получен ответ.

Что приводит их ночью на улицы давно забытого города, вырвав из настоящего и вернув в прошлое?

Байкершу, военную, наркомана и бойцовского пса?

Кто стоит за всем этим? И какие цели преследует незнакомец, грозясь разоблачить каждого из них?

Игра ведь только начинается?

Brittany Davis – Idk

Соня.

Медленно и размеренно размешиваю сахар в кружке с крепким кофе, сидя за столиком в заведении, расположенном в нескольких кварталах от общежития, в которое я заселилась пару дней назад. Ложка противно скребётся о стенки керамической белоснежной кружки уже, как минимум, минут пять. Сахар давно уже растворяется в постепенно остывающем напитке, но я даже не притрагиваюсь к нему.

В другой моей руке находится сотовый – я устало листаю ленту инстаграма, периодически оценивая фотографии. В какой-то момент мне становится скучно – я перестаю размешивать сахар, ловко включаю камеру и делаю снимок кружки. Отправляю фотографию в приложение и ставлю хештег *#новый_кофе_в_старом_городе*.

Хватаюсь за кружку и делаю один глоток тёплого напитка. Как долго я здесь сижу, раз кофе уже успевает остыть?

Откидываюсь на спинку диванчика – кожаная куртка скрипит из-за моих движения – и осматриваюсь. Заведение небольшое, но народу здесь достаточно. Пахнет пончиками и ванилью, на картине в дальнем углу прожжённый круг от сигареты, а у одного из официантов пятно, виднеющееся на фартуке.

Забегаловка та ещё, но мне нравятся подобные места. Здесь можно не платить за невкусные напитки, если у тебя

нет денег. Как? Сейчас узнаете.

Я выпиваю половину кружки, когда народ начинает суетиться. Они переговариваются и показывают в окно. Я усмехаюсь себе под нос, делаю последний глоток и осторожно ставлю кружку на столешницу. Хватаю мотоциклетный шлем, который всё это время лежит рядом на сидении, и надеваю его на голову.

– Чей это байк на улице? – вскрикивает кто-то.

Я вскакиваю на ноги и бегу в сторону выхода, ловко уклоняясь от посетителей, чтобы не сбить кого-нибудь с ног.

– Девушка, Вы не заплатили! – кричит мне вслед официант, но звонок над дверью уже бренчит.

Я выскакиваю на улицу: мой байк, припаркованный рядом с кафешкой, дымится. Нет, он не сломан и его не поджигают, просто за час до этого я прокатила на своём железном коне одного пацана, а тот в ответ согласился в определённое время поджечь дымовую шашку. Мотоцикл тонет в густом красном дыме – я решительно запрыгиваю на байк, заставляю его взречь, словно животное перед атакой, и на максимальной скорости уезжаю, прежде чем меня успевают остановить официанты, чтобы заставить заплатить за невкусный кофе.

Адреналин зашкаливает – я мчу по дороге, огибая машины, ветер врзается в моё тело, и я сильнее нагибаюсь, чтобы удержать равновесие. Руки в кожаных перчатках без пальцев немеют из-за холода, когда я подъезжаю к корпусу обще-

жития. Паркуюсь среди отвратительных машин и, наконец, спрыгиваю с байка. Прячу ключи в карманах и снимаю шлем, который забираю с собой, потому что прекрасно знаю, что при любой возможности им захотят поживиться.

Взгляд скользит по шестиэтажному пошарпанному зданию студенческой общаги и не находит ничего привлекательного. Что ж, следующие два года мне нужно будет постараться, чтобы меня снова не выперли из универа и не выгнали из общаги, иначе жить мне будет негде.

Я поджимаю губы и направляюсь в сторону входа, чтобы уговорить комендантшу пустить меня без пропуска, потому что мне его ещё не выдали. Эта женщина уже в третий раз орёт на меня, что я безответственная неудачница. Что, собственно, по её мнению, я должна сделать, если пропуск мне выдадут только на следующей неделе? Мне кажется, что ей просто скучно, вот она и цепляется.

Я взбегаю по ступеням и врываюсь в холодное помещение общежития. Сейчас лето, учёба ещё не начинается, так что студентов здесь мало. Мне это на руку, не люблю лишнее внимание.

Старухи на своём месте нет, и я поспешно проскакиваю мимо вахты и направляюсь к лестничной площадке, чтобы подняться на третий этаж. Сегодня мне на удивление везёт.

Повсюду пахнет хлоркой, куревом и ещё чем-то тошным. Я надеваю на голову шлем, чтобы избавиться от неприятного запаха, и поспешно поднимаюсь на нужный этаж. Коридор

неприятный и обшарпанный, здесь тихо и до жути противно. Боюсь представить, что будет во время учёбы...

Нужная дверь справа пятая от лестничной клетки – я подхожу к ней и открываю, на ней чёрным маркером написано «шлюха». Это уже было до того, как я сюда въехала, но даже думать не хочу, кому и из-за чего адресована эта надпись.

Моя соседка, с которой мне придётся уживаться ближайшее время, сидит на кухне и курит. Я не хочу снимать шлем, потому что прекрасно знаю, что помещение пропахло дымом и тошным запахом дешёвых спагетти.

Не разуваясь, захожу на кухню.

Лена Истомина затягивается, внимательно наблюдая за мной, словно я нахожусь только в её воображении, и шумно выдыхает густой дым. Форточка закрыта, на столешнице пепельница с окурками и кружка, наверное, с чаем.

Девушка в домашнем халате и в тапочках, поджигает ноги под себя, сидя на диванчике. У неё чёрное каре и серо-зелёные глаза, кожа бледная, покрытая родинками на шее. Она старше меня на пару лет и учится на последнем курсе.

– Тебе письмо, – безразлично бросает она, пока я заглядываю в холодильник и с прискорбием замечаю, что мой йогурт уже съели.

Письмо? Да вы издеваетесь.

Выпрямляюсь и смотрю на девушку, потом снимаю шлем и морщусь из-за плотного запаха дыма. Я хоть и курю, но не настолько много.

– В комнате, – тянет Лена. – Я не открывала.

Снова делает затяжку. Истомина говорит медленно, растягивая каждое слово, словно с трудом соображает.

– Ещё бы ты распечатала его, – грубо бросаю я. – Форточку открой.

Разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

– И хватит трогать мою еду!

Она не отвечает. Выхожу в коридор и открываю дверь комнаты. Наша общага устроена по типу квартир: общая кухня и три комнаты, в которой живут по двое. Мне придётся уживаться с Леной, потому что остальные места уже заняты. Не знаю, кем, но вскоре сюда должны перебраться ещё четверо девчонок. Мне кажется, что я свихнусь в таких условиях.

В комнате распахнуто окно, но даже так сюда добирается запах дыма. Бросаю шлем на кровать и хватаю пальцами конверт, лежащий на тумбочке. Чёрт, и как они узнали, что я переехала? Я же никому не сказала, куда собираюсь поступать и где буду жить? Сраные письма без обратного адреса...

Открываю его и достаю новую карточку, на которой напечатано: *«Конечный пункт определяешь не ты».*

– Что за ересь? – фыркаю и бросаю бумаги на кровать.

В последнее время эти письма становятся всё бредовее и бредовее. В начале они имели хоть какой-то смысл, а теперь пустые слова. Конечный пункт определяю не я? Ну, естественно. Конечный пункт – это смерть. Угадать, какая она

будет, невозможно, если, конечно, ты не суицидник.

Я разворачиваюсь и выхожу из комнаты, чтобы принять душ и расслабиться. Может быть, смогу подумать и разгадать странные послания незнакомца. Наверное, это какой-то маньяк, который преследует меня по пятам. Может, стоит обратиться в полицию? Но тогда...

Нет, копы – это не выход. Мне нужной самой выследить его и уничтожить. Я так просто это не оставлю.

КРЕСТ-НАКРЕСТ – Куда Приводят Мечты

Матвей.

Голова раскалывается. Я полностью кутаюсь в одеяло и утыкаюсь лицом в подушку, чтобы ни один луч света не проник в моё сознание. Хочется пить, но вылезать из постели у меня нет сил. Кости ломит, мышцы стонут так, словно я вчера пробежал несколько десятков километров, слабость придавливает меня к кровати невидимыми путами, не позволяя даже лишним мыслям проникнуть в мою голову.

Сегодня выходной. Или же нет? У меня все дни смешиваются и превращаются в один сплошной круговорот. Вечная пятница, вечная нескончаемая чередка бесполезных вдохов и выдохов.

Что вчера было? Кажется, я снова выпил больше таблеток, чем нужно. Одна уже не помогает, две тем более. Боль только

усиливается и постепенно сводит меня с ума.

Я почи не сплю, но иногда меня вырубают на несколько дней. Такой режим чертовски сильно ударяет по психике, и с каждым разом мне становится всё труднее контролировать реальность.

Я тону в собственных мыслях и в головной боли, опускаюсь всё глубже в ад.

Я слышу, как входная дверь открывается, но не обращаю на это внимания. Кто-то заходит в квартиру, шуршит пакетом, в котором друг о дружку стучат бутылки, ставит всё это, наверное, на пол, а потом пересекает комнату. Некто делает всё это настолько громко, что я готов взвыть от безысходности, лишь бы человек оставил меня в покое и позволил ещё немного побыть в одиночестве.

Шторы громко раздвигаются в стороны, а через пару секунд моё спасительное одеяло резко срывается с меня и обнажает бесполезное тело, покрытое синяками и ссадинами. Я неохотно приподнимаю голову от подушки. Глаза пронзает боль из-за резкого света.

– Чувак, свет, – стону я, зажмуриваясь и утыкаясь лицом в подушку.

Пытаюсь нащупать рукой спасительное одеяло, но пальцы хватают только воздух.

– Вставай, – недовольный голос разрывает мои мозги на кусочки, заставляя меня страдать ещё больше. – Я принёс пиво.

– Шторы, – стону я.

Человек вздыхает и пересекает комнату, занавешивая окно и заставляя комнату погрузиться в полумрак. Попутно он задевает пустую бутылку, которая стоит возле кровати, и та предательски катится по полу. Я морщусь, понимая, что сегодня явно всё настроено против меня.

Собрав все силы, я с трудом сажусь, свешивая ноги с кровати и касаясь босыми ногами холодного пола, и прячу лицо в ладонях. Всё кружится, и я надавливаю пальцами на глаза, чтобы прийти в себя. Мне требуется время, чтобы избавиться от головокружения и понять, что я больше не нахожусь во сне и что мне всё-таки придётся подняться на ноги и начать двигаться.

– Тебе письмо.

Я убираю руки от лица и, наконец, наполовину открываю веки, чтобы взглянуть на своего гостя. Парень подходит ко мне и бросает конверт на кровать, после чего разворачивается и идёт к кухонной тумбе, где на плите стоит старый чайник, который я всё никак не могу заменить.

В моей небольшой студии грязно и не убрано. Вещи валяются на полу, телевизор показывает только один канал и тот с помехами, зарядка от ноутбука сломана, поэтому старый компьютер бесполезным хламом пылится под кроватью, в раковине невымытая посуда, на тумбочке пустые пузырьки из-под таблеток и старая коробочка из-под пиццы.

Не помню, когда в последний раз убирался в квартире.

Я беру в руки конверт и распечатываю его, безразлично доставая очередную карточку. Щурюсь, чтобы разобрать слова в полумраке квартиры, затем зеваю и поднимаюсь на ноги. Трясу головой, избавляясь от очередного головокружения, хватаю с тумбочки кнопку и прикрепляю карточку на стену, где находятся её остальные распятые братья и сёстры. Несколько секунд смотрю на надпись: «*Ты умираешь*».

Меня хлопают по плечу. Парень протягивает мне стакан с водой и таблетку – я машинально забираю их, отправляю белоснежное колёсико в рот и запиваю водой. Ставлю стакан на тумбочку, случайно смахивая пустой пузырёк, и разворачиваюсь, направляясь к холодильнику.

– Это такая дичь, – тянет парень, рассматривая мои карточки. – Зачем ты их развешиваешь на стене?

– Не знаю, – пожимаю плечом, замечая пакет, который услужливо принёс мне гость. Подбираю его, достаю бутылки с пивом и ставлю все, кроме одной, в холодильник. Запивать таблетки алкоголем – это плохая затея, но мне плевать. Это помогает быстрее прийти в себя. – Может быть, увижу хронологию. А может, просто как сувениры, – открываю бутылку и делаю один глоток, поворачиваясь к парню, который всё ещё рассматривает мои письма. Прислоняюсь спиной к столу и потираю шею. – Ты свои даже не открываешь. Да, Штурм?

Парень прячет руки в карманах толстовки. Он стоит ко мне спиной, и я не вижу выражения на его лице. Недолго он молчит.

– А нафига? – Егор поворачивается ко мне, и я вижу свежий синяк у него под глазом. – Там всё равно дичь полная. У меня весь шкаф забит этими конвертами. Если кто-то хочет меня запугать, пусть приходит. Я ему все кости переломаяю.

Я фыркаю, снова делая глоток. Голова постепенно проходит.

– Но ты не выбрасываешь их, – замечаю я.

Егор пожимает плечом.

– Мало ли, – парень осматривается, скользя взглядом по моей комнате.

Он морщится, потому что квартира выглядит как настоящий притон наркоманов. Здесь темно, полно мусора и пыли, пахнет грязными вещами и дезодорантом. Настоящий клоповник.

– Ты работу нашёл? – интересуется друг.

Я морщусь, делая глоток пива. Разговаривать на эту тему у меня нет никакого желания. Никто не захочет давать мне нормальную должность, учитывая мой образ жизни. С прошлой меня выгнали за то, что я курил травку в туалете.

– Нет, – признаюсь я, шмыгая носом.

Парень вздыхает и поджигает губы.

– Я же говорил, что Шершень тебя возьмёт, – Егор толкает ногой какой-то пузырьёк. – Деньги нормальные.

Я фыркаю и качаю головой.

– Ты хотя бы попробуй, – не отстаёт друг. – Запарил заниматься ерундой. Я тебя кормить всю жизнь не собираюсь,

у меня и так с деньгами напряг.

Я ставлю полупустую бутылку на столешницу и смотрю на Егора, понимая, что он не оставит меня в покое, пока я не вылезу из этого дерьма. Ладно, я всё равно там долго не протяну. Пару месяцев максимум, потом либо меня выпрут, либо я сам сольюсь.

– Работать на твою сучку? – насмешливо тяну я, направляясь к креслу. Хватаю кофту и натягиваю её на себя. – Ладно. Как скажешь. Что ни сделаешь для того, чтобы друг был счастлив.

Егор фыркает и кривится в ухмылке. Он берёт с кровати мою футболку и бросает в меня, но вещь так и не долетает. Я хрипло смеюсь, затем прокашливаюсь.

– Сходи к врачу, – советует парень. – Выглядишь дерьмово. Надо переходить на другие таблетки.

– Мне и с этими неплохо.

Егор не отвечает. Я натягиваю джинсы и заваливаюсь на кровать, беря с тумбочки пульт и включая телевизор.

– Сижки есть? – смотрю на парня.

– Закончились, – бросает он. – Чего разлёгся, у нас дела ещё, дерьма кусок.

Егор вырубает из розетки телевизор, и я разочарованно вздыхаю. А я то думал, зачем он притащился ко мне днём и заставил вылезти из постели, да ещё и пиво принёс, чтобы задобрить меня.

– Какие дела? – неохотно поднимаюсь на ноги.

– Я же вчера писал, – раздражается Штормов.

Я кривлюсь, беру с тумбочки телефон и пузырёк с таблетками, и прячу всё это в карман.

– Ах, да... Забыл. Сорян.

Парень качает головой и направляется к выходу, уж точно не собираясь меня дожидаться. Я нахожу разбросанные по квартире кроссовки, наспех надеваю их и слеую за другом. Сейчас бы ещё немного поспать, а не заниматься делами Шторма.

ROZHDEN – Пустяк

Маши.

Я просыпаю из-за того, что парень переворачивается на другой бок и обнимает меня со спины. Его дыхание щекочет мою шею, и я улыбаюсь, довольно ёжась в его объятиях. Свет пробивается сквозь оливковые шторы, и я неохотно понимаю, что скоро нужно будет вставать. Не мне, конечно, у меня сегодня выходной, но расставаться с приятными утренними объятиями чертовски не хочется.

Я не шевелюсь, словно боясь спугнуть момент, чувствую его грудь спиной, крепкую руку, придавившую меня к кровати, и эта секунда кажется мне настоящей вечностью. Остаться бы так навсегда и плевать на весь мир.

Но вибрация будильника вырывает меня из нежности

утренних объятий, и я неохотно тянусь к телефону, который лежит у меня под подушкой на зарядке. Я выключаю его и откладываю в сторону. Парень за спиной даже не шевелится, но я знаю, что он не спит. Я лежу ещё минуту, затем осторожно разворачиваюсь к нему лицом и обнимаю за талию. Каменные объятия парня даже не разжимаются.

Я утыкаюсь носом ему в грудь и легко глажу по спине.

– Миш, 8:10.

Парень не отвечает. Его дыхание зарывается в мои волосы, и я лишь сильнее прижимаюсь к его груди.

– Слышишь? – мой голос тих, но я знаю, что этого достаточно. – Пора вставать.

– Угу.

Он не двигается. Молчание сковывает нас на несколько секунд, а потом Миша собирает все свои силы и переворачивается на спину. Я неохотно морщусь – моя рука перемещается на его грудь и скользит по телу, когда парень с трудом садится и свешивает ноги с кровати. Я кутаюсь в плед, смотря на спину Миши, который облакачивается локтями о колени и сидит так, словно должен принять самое важное решение в своей жизни.

Парень потирает глаза, берёт пульт и включает телевизор, который тихо разрывает пространство. Я перебираюсь на подушку Миши, потому что она намного удобнее моей, и закрываю глаза. Мне вставать совершенно не обязательно.

– Просыпайся, – он пытается стянуть с меня плед, но я не

отпускаю его.

– У меня выходной, – возмущённо бормочу я, не открывая глаз.

– Нечего спать тут, – парень трясёт меня за бёдра. – Я сейчас кота позову...

Я неохотно бормочу себе под нос нечто невнятное и неестественное, а потом сдаюсь и пытаюсь пнуть Мишу ногой, чтобы он перестал трясти меня. Открываю глаза и потягиваюсь, широко зевая. Восемь утра... Мой выходной... Чёрт его дер.

– Тварь, – бросаю я, обиженно выбираясь из-под пледа и садясь на кровати.

– Сучка, – в ответ тянет Миша.

Я встаю прямо на кровати и неохотно слезаю на пол. Футболка парня на мне задирается и открывает чёрное бельё. Хватаю кружку, которую вчера оставила на столе перед плазмой, и направляюсь на кухню. Парень успевает провести рукой по моей ноге, когда я прохожу мимо, после чего поднимается и идёт следом.

– Сегодня раньше вернусь, – бросает Миша.

– Во сколько?

Ставлю кружку в раковину и оборачиваюсь, потому что парень кладёт руки на мои бёдра и приближается для поцелуя. Я обнимаю его за талию и улыбаюсь.

– В четыре. Может чуть позже, – парень нагибается и целует меня.

Скольжу рукой по его обнажённой груди и царапаю кожу ногтями. Его язык встречается с моим, заставляя меня шумно выдохнуть, и я размякаю в его объятиях.

– Может, – он чуть отстраняется и кусает меня в шею. – Утренний минет по быстрому?

Я фыркаю и стучаю его по талии.

– Слышь, Кузнецов. Ты меня разбудил в мой выходной, обойдёшься, – возмущаюсь я.

– И что? Я не сплю, и тебе тоже нечего, – Миша снова целует меня.

В это же время на кухню забегает кот и на скорости вонзается зубами в ногу парня.

– Блять! – рычит Кузнецов, отстраняясь от меня. Пытается пнуть кота, но тот уже исчезает под столом. – Пидр шерстяной...

Я смеюсь и толкаю парня в плечо.

– Так тебе и надо, – издеваюсь я. – Иди в душ, я тебе завтрак приготовлю.

– Ага, – Миша морщится от боли в ноге и разворачивается. Я не выдерживаю и шлёпаю его ладонью по заднице. – Ой, а вот если бы я пердел? – возмущается он.

– Ну, начина-а-ается!

Кузнецов смеётся и скрывается в коридоре, оставляя меня одну на кухне готовить завтрак. А я могла бы спокойно себе спать, если бы этот идиот не растряс мою тушу и не заставил встать вместе с ним. Смотрю на время: почти двадцать ми-

нут. Ладно, у меня есть двадцать пять минут, чтобы приготовить что-нибудь перекусить, пока парень не свалит на работу. Ровно без пятнадцати его уже здесь не будет.

Я снова зеваю, смотрю на кота, который выползает из-под стола и лениво направляется к своей миске, чтобы похрустеть кормом, и подхожу к холодильнику. Сделаю быстро бутерброды, Миша всё равно много не ест по утрам. Достая колбасу с сыром, захопываю дверцу и кладу всё на стол. Прежде чем взять из шкафа батон, я ставлю чайник. Наспех нарезаю бутерброды и кладу их в микроволновку.

Ну, вот и всё.

Слышу звуки льющейся воды в ванной и улыбаюсь себе под нос. Как только парень уйдёт на работу, я завалюсь спать и подремлю ещё пару часиков. Надо ещё написать отчёт за месяц и отправить его к вечеру, иначе начальник опять начнёт орать, что я ни черта не делаю.

– Слышь, – Миша выходит из ванной, вытирая шею полотенцем. – А с фига ли у тебя сегодня выходной? Пятница же.

Я закатываю глаза и поднимаюсь на ноги, потому что микроволновка пищит, оповещая, что можно забирать содержимое.

– Я же вчера говорила, что отгул взяла.

– Иди работай, отгул она взяла, – Кузнецов морщится.

Я довольно улыбаюсь, наблюдая за тем, как парень скрывается в комнате, чтобы одеться. Ставлю на стол тарелку с бутерами и собираюсь заварить чай. Беру две кружки, лени-

во наливаю кипяток, кладу пакетики, одну из порций разбавляю холодной водой. Не забываю про сахар. Полторы ложки, как любит Миша. Мне две. Обычно я пью чай без сахара, но в последнее время организм начинает воротить от горечи, так что выбирать не приходится.

Беру кружки и несу в комнату, ставлю перед телевизором. Бросаю взгляд на парня, который натягивает чёрные джинсы, и возвращаюсь на кухню за тарелкой.

– Может, погуляем сегодня? Погода хорошая, – спрашиваю я, поставив бутерброды рядом с чаем.

Хватаю пальцами свою кружку и забираюсь на кровать.

– Посмотрим, – бросает Миша, поправляя ремень.

– Ну, короче, как обычно в «батлу» будешь рубиться, – отмахиваюсь я. – Ты всё равно катки сливаешь.

– Слышь, сливаю я у неё там, – Кузнецов морщится.

Он подходит к телевизору, берёт кружку и бутерброд, потом садится на кровать.

Я не отвечаю и смотрю в телевизор, где показывают новости. Ничего интересного, как обычно какая-то ересь про мужика, который построил фигуру из спичек, про людей с ферм или про погоду. Зачем вообще каждое утро Кузнецов включает новости, я понятия не имею.

Когда на тарелке остаётся всего два бутерброда, а на часах время добирается до сорока пяти минут, парень неохотно поднимается на ноги и ставит кружку на столешницу.

– Я пошёл, закрой за мной.

– Ага.

Миша выходит из комнаты, а я следую за ним только через несколько секунд, потому что лень одолевает меня тяжёлым грузом. Я выхожу в коридор и прислоняюсь плечом к косяку, наблюдая за тем, как Кузнецов надевает кроссовки. Кот вертится вокруг его ног, собираясь атаковать, но парень пугает его, отчего животное отскакивает в сторону и подозрительно смотрит в ответ.

– Даже не думай, – предупреждает его Миша.

Я смеюсь и подхожу ближе, когда парень выпрямляется.

– Так. Ключи взял, телефон... – он хлопает себя по карманам. – Вроде всё.

Секунду он медлит, затем нагибается и целует меня в губы, но делает это машинально, потому что его мысли явно где-то в другом месте.

– Пошёл.

Миша открывает дверь, смотрит на кота, чтобы тот не выбежал на лестничную площадку, а потом замечает на коврике под дверью белый конверт. Сначала Кузнецов медлит, а затем нагибается, подбирает письмо и возвращается в квартиру.

Я замечаю на бумаге своё имя и вздыхаю.

– Сука, этот аноним заебал уже, – злится парень, распечатывая конверт и доставая карточку. – *Секрет, который знали только двое, больше им не принадлежит.* Что, блять... – он сжимает зубы. – Вечером пойду к заведующему и попро-

шу проверить камеру на площадке.

Миша отдаёт мне конверт и карточку.

– Сколько можно эту хрень присылать...

– Ну, не злись, – я глажу его по плечу, потом целую в щёку. – Удачи на работе. Напиши, когда вернёшься, приготовлю что-нибудь вкусненькое.

– Хорошо, – он расслабляется. – Но я всё равно вечером проверю камеру.

– Ага, – улыбаюсь я.

Парень последний раз смотрит на меня, а потом открывает дверь и уходит. Я поворачиваю замок и вздыхаю, перечитывая послание на карточке.

Секрет, который знали только двое, больше им не принадлежит.

Я надеюсь, что речь идёт не о том секрете, который знаю я и Егор. Если это всплывёт там, где не надо, будет чертовски дерьмово.

– Что, Лорд, весело тебе? – спрашиваю я у котейки, но тот демонстративно разворачивается и уходит на кухню, подняв свой хвост.

Вздохнув, я возвращаюсь в комнату и заваливаюсь на кровать. Нужно поспать ещё немного, иначе из-за мыслей я сойду с ума.

Секрет, который знали только двое, больше им не принадлежит.

Кто же этот аноним, который никак не может оставить ме-

ня в покое? Может быть, попросить друга из полиции помочь мне? Или лучше не стоит... В любом случае, письма – это просто письма. За всё это время кроме них ничего не происходит, так что бояться нечего. Наверное, это просто какой-нибудь задрот, которого я завалила в военкомате на своих тестах. Или, наоборот, не завалила...

Meg Myers – I Die

Егор.

Прицепившаяся мелодия, которую я насвистываю себе под нос, медленно идя по лестнице на второй этаж, поднимает настроение и уничтожает меня одновременно. По пути я заглядываю в почтовый ящик и обнаруживаю там очередной белоснежный конверт без обратного адреса. Это не вызывает у меня совершенно никаких эмоций – я останавливаюсь возле двери и лениво роюсь в кармане в поисках ключа.

– I die... – тяну я. – Thinking about you all the time...

Брелок звенит в моих пальцах, и я открываю замок как раз в тот момент, когда на верхней площадке Анна Геннадиевна снова начинает орать на свою дочь, которая, очевидно, не собирается слушать мать ни при каких обстоятельствах.

– Да пошла ты! – слышу я.

– Чтобы больше не возвращалась!

Звук каблучков въедается мне в мозг, и я поднимаю голову,

успевая заметить розовые стринги под кожаной юбкой девушки, которая в этот момент сбегает по лестнице, не обращая внимания на визги своей матери.

– Привет, Егор.

Её губы трогает развратная улыбка, и я усмехаюсь, скользая взглядом по обтягивающей кофточке, чёрной мини-юбке и длинным ногам. Чёрные волосы распущены, глаза подведены карандашом в самодельном смоки-айсе. Девчонке почти восемнадцать, но выглядит она на все двадцать пять. Хотя мордашка симпатичная.

– Привет, Марин.

Она подмигивает мне, а потом поспешно следует дальше на первый этаж, где во дворе её уже дожидается парень на своём пафосном байке. Умом он не блещет, зато сомнения хоть отбавляй.

Наблюдаю за Мариной, пока она не скрывается из виду, и поворачиваю ручку, проникая в квартиру, которую я снимаю у ветхой разваливающейся старушки, периодически забывающей напоминать мне про квартплату.

– You die, – продолжаю напевать я, закрывая за собой дверь. – Thinking about me all the time...

Я умираю, постоянно думая о тебе. Ты умираешь, постоянно думая обо мне. Песня сопливая, но такая приставучая. Второй день не могу избавиться от неё, хоть череп дрелью сверли.

– Моника! – ору я. – Где ты, сучка? Я тебе пожрать принёс.

Стаскиваю кроссовки и неровно отталкиваю их в угол прихожей, бросаю конверт в тумбочку к остальным закрытым письмам и прохожу на кухню, чтобы поставить еду, которую я прикупил по дороге, в холодильник.

– Моника!

Зеваю, подходя к моему лучшему другу (естественно, вечно холодному и постоянно дребезжащему) и открываю дверцу. Кладу пару бутылок пива, молоко, небольшую палку колбасы и прочую мелочь на полки, а остальные продукты (хлеб, чай и пачку макарон) оставляю в пакете, который бросаю на диванчик.

Включаю телевизор и широко зеваю. Морщусь, потому что недавно разбитая губа саднит, и потягиваюсь, ощущая в спине неприятных хруст. Снова начинаю свистеть. Достая с угла диванчика под завалом пакетов ноутбук и ставлю на стол. Чаю что ли заварить?

– Моника! – снова ору я, но в ответ мне лишь тишина и надоедливый голос диктора.

Ставлю чайник, достаю колбасу из холодильника и начинаю нарезать, чтобы сделать себе бутерброд. Спустя минуту на кухню вбегает серая кошка и протяжно мурчит, начиная тереться о мои ноги.

– Ну, конечно. Как колбасу учуешь, сразу тут как тут, а так не дозовёшься, – бурчу я.

Отрезаю ломтик и бросаю на пол – Моника тут же кидается к лакомому кусочку и почти мгновенно проглатывает

его, начиная довольно облизываться. Я фыркаю и угощаю её ещё одним.

Когда я завариваю чай и заканчиваю готовить свою изысканную еду, я сажусь за ноутбук и просматриваю сообщения в сети.

«Круто выступил. Аванс перечислю вечером!».

«Окей. Спасибо», – пишу в ответ.

Пропускаю парочку сообщений с «привет, как дела», и цепляюсь взглядом за письмо от неизвестного пользователя.

«Она в городе».

Что? Кто в городе?

Захожу на страницу отправителя, но она удалена. Что за чертовщина? Какому придурку понадобилось писать мне три слова, а потом удалять свой аккуант? Это связано с тем, что я не читаю письма? Они теперь и в сети меня доставать собираются?

Она в городе.

Я откусываю кусок от бутерброда и морщусь, когда Моника запрыгивает ко мне на колени и начинает тереться о грудь. Её пушистый хвост лезет мне в лицо, и я отмахиваюсь от него, словно от назойливой мухи.

Я, типа, должен сразу понять, кто в городе и о ком идёт речь? Круто.

Решаю не мучить свои мозги странными вопросами и включаю музыку. Плевать, кто там в городе, меня это совершенно не касается. У меня и без этого анонима полно про-

блем.

– Да отстань, Мони, – перехватываю серую кошку и ставляю сесть рядом на диванчик.

Она демонстративно отворачивается и начинает лизать свои лапы. Недолго листаю ленту «вконтакте», ставлю пару лайков, а когда допиваю чай, отвлекаюсь от своего занятия, потому что за стенкой опять начинает разворачиваться очередной скандал. Нет, не там, где мамаша вечно пытается поставить на путь праведной монашки свою дочь Марину, а там, где очередной дегенерат-любовник избивает свою девушку, потому что она что-то где-то не так ему сказала, как-то странно посмотрела на другого и всё такое.

За стенкой живёт девушка двадцати семи лет, вечно путающаяся с придурками и находящая себе таких парней, которым проще ударить, чем сесть и поговорить. Я вздыхаю и прикрываю глаза, когда слышу бьющую посуду и громкие голоса на тему неблагодарности, безответных чувств и безграничной собственности.

И каждый раз всё происходит по одному и тому же сценарию: Кристина находит себе парня, первое время они живут мирно и от них веет ванилью и тошными ароматами любви, а потом их семейная жизнь превращается в ад, они ссорятся, парень её избивает, и тут появляюсь я, ибо не могу больше выносить рукоприкладства и шума. Я доходчиво даю понять мужику, чтобы он больше здесь не появлялся, Кристина разбрасывается благодарностью и тащит меня в постель в поры-

ве страсти и всё такое, а потом она находит себе очередного придурка, и всё включается на повтор.

Я прислушиваюсь. Слышу хлопок пощёчины, которую Крис, очевидно, залепляет своему ухажёру, а следом снова звуки бьющейся посуды и шум падающего на пол тела. Ну, кажись, настает мой час.

Я поднимаюсь на ноги, снова отмахиваюсь от Моники, и направляюсь в коридор. Босиком выхожу на лестничную площадку, подхожу к двери напротив и нажимаю на звонок, который забавной трелью разлетается по квартире. Терпеливо жду, когда же мне откроют.

Меньше чем через минуту преграда приоткрывается, и сквозь щель я вижу растрёпанную Кристину с разбитой губой. Смотрю на неё, вскидывая бровь, мол, ты знаешь, что дальше будет происходить. Девушка закатывает глаза и поджимает губы. Даже если она начнёт отнекиваться и защищать этого идиота, как это было в самом начале нашего знакомства, я всё равно от неё не отстану, побью её парня, и тот сбежит отсюда на крыльях ветра. И Крис это прекрасно знает. Мы уже сто раз разговаривали с ней на эту тему, и каждый раз она виновато кивала и обещала, что такого больше не повторится.

Соседка открывает дверь и пропускает меня.

– Кто там, Крис? – я слышу хриплый голос, доносящийся из кухни.

Решительно направляюсь прямо туда и, не останавлива-

ьясь, настигаю парня. Он стоит возле окна и курит, очевидно решив, что всё держит под контролем. Кажется, его зовут Рома. Парень знает, кто я такой, но мы с ним никогда не общались. Так, пересекались на площадке и пару раз даже здоровались.

– Что ты...

Я не даю ему договорить и со всей силы ударяю кулаком в солнечное сплетение, заставляя Рому сложиться пополам и закашляться. Затем заезжаю ему коленом в нос.

– Ещё раз увижу тебя рядом с Крис, кишки выпущу, понял? – сплёвываю я.

Хватаю его за волосы и оттягиваю голову назад. Не смотря на то, что Рома крупнее меня, его тело податливое и обесиленное. Нос, кажется, сломан. Кровь застилает лицо, и я криво усмехаюсь.

– Я не слышу! – спрашиваю я.

– Понял, – кряхтит Рома.

– Прямо сейчас проваливай, иначе по частям собирать себя будешь, – толкаю его в голову, но несильно, словно ребёнка. – И девушек бить нельзя, запомни.

Парень ничего не отвечает. Я шмыгаю носом, разворачиваюсь и выхожу в коридор, где меня ждёт Кристина. Она виновато опускает голову, немного улыбаясь. Я тереблю её по голове, прежде чем выйти из квартиры.

– Это уже пятый, – замечаю я, но девушка лишь пожимает плечом.

Я фыркаю и направляюсь обратно в свою квартиру. Что ж, на сегодня геройских поступков достаточно. Пора и отдохнуть. Завтра меня ждёт тяжёлый бесконечный день.

The Used – Pretty Handsome Awkward

Соня.

Громкая музыка из комнаты над нами разрывает пространство, и она настолько оглушающая, словно звучит прямо у меня в голову. Я выбираюсь из душевой кабинки, довольно улыбаясь и благодаря всех Богов на свете, что мои соседи слушают не дешёвый клубняк, а хорошую качественную альтернативу. Иногда металл, но это даже лучше. Понятия не имею, кто там живёт над нами, но я готова носить его на руках. Или её. Общага-то у нас общая.

Я натягиваю чистую одежду, заматываю светлые волосы в пучок и немного кривлюсь. Корни уже начинают отрастать, нужно будет подкрасить их. Высветлить до тошного белого оттенка, чтобы избавиться от темноты. Или, может быть, перекраситься в малиновый? Видела недавно недалеко от корпуса девчонку с яркими сочными красными прядями, выглядела она круто.

Зеркало грязное и покрыто пятнами – убираться у меня нет никакого желания, к тому же сегодня не моя очередь. Хотя от Лены всё равно ничего не дождёшься. Она будет до

последнего тянуть, пока квартира не покроется пылью, плесенью и кучами неубранных мешков с мусором, а потом затеет генеральную уборку, в которой, конечно же, никто не будет участвовать. Когда я сюда переехала, здесь был настоящий свинарник, а просить переселить меня в другую комнату бесполезно, потому что эта единственная свободная, где окна выходят на стоянку. Нужно же мне как-то следить за байком.

Выхожу в коридор и возвращаюсь в свою комнату. Истомина сидит на моей кровати и вертит в руке карточку, которую мне недавно прислали. Я поджимаю губы и отбираю конверт – девушка непринуждённо перекидывает ногу на ногу и облокачивается рукой позади себя, начиная внимательно разглядывать меня.

– Говорила же, чтобы мои вещи не трогала, – грубо бросаю я, сминая карточку и конверт, а затем выбрасывая в урну возле тумбочки.

Лена пожимает плечом. От неё несёт сигаретами или даже какой-то травкой, и я морщусь. Пусть у нас правило: не курить в комнате, но девушка до костей пропитана куревом, так что хоть кури, хоть не кури, всё одно.

Истомина начинает покачивать ногой в такт музыки, и её взгляд становится совсем бессмысленным. Я кошусь на соседку, словно думая, что она вот-вот грохнется в обморок, затем выглядываю в окно и нахожу взглядом свой мотоцикл. Стоит, родимый.

– Конечный пункт, – бормочет Лена, – определяешь не ты.

Я бросаю взгляд на мусорное ведро, где на самом дне лежит очередное письмо от анонима, и хмурюсь.

– Знаешь, у нас в городе есть клуб «Конечный пункт», – зевает она. – Это даже не клуб, – лениво тянет девушка, и я внимательно смотрю на неё. – Подпольное заведение. Иногда там проходят концерты. Иногда различные соревнования. Часто там устраивают бои без правил. Мои друзья ходят делать ставки. А ещё там отличная выпивка и травка, – Лена облизывает губы и поднимается на ноги, чтобы пересесть на свою кровать, потому что прекрасно знает, что я психую, если кто-то прикасается к моим вещам. – Можно даже найти что-нибудь покруче. Или кого-нибудь.

Я поджимаю губы и заваливаюсь на матрас, притягивая к себе ноутбук. Слова соседки сеют в моих мыслях сомнения, и теперь все эти бессмысленные карточки, которые присылает мне больной извращенец, обретают дымку логичности и последовательности.

– Может быть, тебя позвали на свидание? – иронично тянет соседка, но я ничего не отвечаю.

«Конечный пункт определяешь не ты».

«Конечный пункт». Подпольный клуб для боёв без правил. Да аноним издевается. Это же не значит, что...

Я достаю из кармана сумки для ноута несколько карточек, которые присылали мне незадолго до моего переезда, и просматриваю их.

«Ты вернёшься домой, когда наткнёшься на тупик».

«Я знаю, что ты всё ещё любишь его».

«Твое место в прошлом».

«Бесконечность звёзд может быть видна только на максимальной высоте».

«Беги».

«Сколько раундов у тебя на жизнь?».

«Настало время встречи».

«Конечный пункт определяешь не ты».

Бессмысленный набор слов. Ладно, допустим, первая фраза мне понятна. У меня были проблемы в универе, меня исключили, тётя выгнала меня из дома, потому что устала от моих бесконечных выходов. Мне пришлось вернуться в родной город, из которого я сбежала три года назад, а так как я не собиралась навязываться родителям, я решила заново поступить в универ на второй курс и поселиться в общежитии.

Я всё ещё люблю его? Речь определённо о Штурмове, но это бред. Я его ненавижу за то, что он сказал мне во время нашей последней встречи. Он оттолкнул меня и смеялся над мной. Он ясно дал понять, что я ничего не значу в его жизни, и я понятия не имею, где Егор и что с ним происходило все эти годы. Скорее всего, он всё ещё прикован к инвалидной коляске и продолжает проклинать меня за то, во что я его превратила.

Моё место в прошлом. Я бежала от него всё это время, но я давно смирилась со всем, что со мной произошло.

Про звёзды вообще бред, я понятия не имею, к чему аноним написал про них.

Сколько раундов у меня на жизнь? Звучит как угроза.

Настало время встречи. С кем, чёрт возьми?

И последнее. Конечный пункт определяешь не ты. Какова вероятность, что речь идёт про клуб, где проходят бои без правил? Это совпадение? Что, если речь идёт о встрече в «Конечном Пункте»? Может быть, аноним таким образом приглашает меня увидеться с ним? Но к чему все эти загадки? Я ведь могу вообще забить и не читать письма.

Настало время встречи. Нет. Это, конечно, бред, но...

– Скажи адрес клуба, – почти приказываю я.

Лена неохотно возится на своей кровати, а затем диктует мне адрес. Что ж, настало время проверить мою теорию. Если я действительно права и если... если аноним и есть тот, о ком я думаю...

Наведавшись в клуб «Конечный пункт», я увижу его. Увижу Егора Штормова.

Suuns – Red Song

Матвей.

Свет мигает и превращается в один сплошной поток, голова идёт кругом, и, кажется, словно все мои внутренности выворачиваются наизнанку. Я не знаю, где я. Не знаю, кто я.

Кем я был и кем я стал за последние годы непрерывного глотания таблеток, надеясь, что головная боль когда-нибудь отпустит меня и перестанет разрывать на куски. Я тонул, падал, катился, рассыпался, превращаясь в пыль. Земля трескалась у меня под ногами, и ад засасывал моё тело в жерло уничтожающего вулкана.

Единственное, что оставалось у меня, – воспоминания. Я думал о том, каким я был до того, как монтировка проломилла мне череп.

Армия была для меня единственным выходом. Я планировал закончить школу и сразу же пойти служить, а после, возможно, отправиться куда-нибудь по контракту. Может быть, даже на флот. Главное, чтобы не возвращаться в этот город, к этим людям, к матери, которая потекает своему мужу, к отцу, избивающему свою жену. Я не мог выносить этого, я их ненавидел. Мне было тесно в этом городе, я задыхался.

А теперь я застреваю здесь, не имея ни малейшего шанса на спасение, потому что какой-то придурок проломил меня голову монтировкой. Черепно-мозговая травма, приносящая в мою жизнь одну лишь боль. К армии я больше не пригоден. Даже со связями отца меня просто не пропустит медкомиссия, потому что я чёртов инвалид.

Единственное, что я могу, это пить таблетки. Если я перестану их принимать, боль меня просто уничтожит.

Но есть одна проблема: то, что выписывает мне врач,

больше не помогает. За три года у меня вырабатывается иммунитет, организм привыкает к этой дряни и не желает больше принимать её. Бесплатные лекарства, которые дают мне в больнице в качестве программы благотворительного фонда, бесполезны.

Вместо одной в день я начинаю пить по три за раз. А вскоре обезболивающее перерастает в транквилизаторы. От них не только голова проходит, но и сознание приглушается. Тревожность, страхи, всё это сгорает за секунду. Я словно под водой. Я будто совершенно другой человек.

– Матвей, ты меня хоть слушаешь?

Я вырываюсь из свои мыслей и отрываю взгляд от проносящихся за окном машины Егора домов. Парень толкает меня в плечо, наверное, думая, что я сплю. Его голос приглушённый, словно в моих ушах вата.

– Да, – прокашливаюсь.

– Я говорю, что завтра у меня спарринг. Могу тебя отвести к Шершню, поговоришь на счёт работы, – Шторм тормозит на светофоре, и я неохотно морщусь.

Работа... Да. Пособия мне уже не хватает, на таблетки нужно много денег. Я собираюсь с мыслями и потираю переносицу. Хочется спать, но в то же время в глазах словно стоят спички.

– Ага, – бросаю я. – Конечно.

– В восемь вечера заеду за тобой, – парень снова давит на газ, и я откидываюсь на спинку сидения.

– Ага, – безразлично бормочу. Всё что угодно, лишь бы он отстал со своей работой. – И кем меня возьмут? Туалеты мыть?

Егор смеётся, перестраиваясь в другой ряд, затем давит на газ.

– А ты разве способен на что-то большее?

Я смотрю на парня и криво улыбаюсь. Скольжу языком по губам, и друг замечает это.

– Вот шуточки про минеты здесь как раз в тему, – Штормов фыркает. – Но работать ты будешь не на меня. И у Шершня уж точно нет члена.

Я коротко смеюсь.

– Я знаю, – отмахиваюсь я, скучаяще бросая взгляд на соседнюю машину, которая едет практически наравне с нами. – К тому же на твоё добро я посягать не буду.

Егор ничего не отвечает. Он переключает песню, вырывающуюся из динамиков, и сворачивает на перекрёстке, пока светофор не загорается красным. Знать бы ещё, куда мы едем. Я совсем выпадаю из реальности, пока витаю в облаках. Надеюсь, это не очередное сборище гопников, которое нам надо разогнать.

RR10 (RRiO) – Просто закрой глаза

Егор.

С чего начинается моя история? Возможно, с того момента, когда Малийский на своём синем фольксвагене девяностых годов с бэушными номерами припечатывает меня к стене и ломает позвоночник. Или с осознания того, что я навсегда останусь прикованным к инвалидному креслу. А, может быть, именно в тот момент, когда я падаю к ногам Софьи Розиной, новенькой ученицы из параллельного класса, закружившей мне голову с первой же секунды.

Точка отправления – моё сердце, взорвавшееся в моей клетке, пока я лежу на полу и смотрю на девчонку, уверенный в том, что она станет моей. Это влечёт за собой череду событий, которые приводят меня к этому невзрачному двухэтажному дому с ветхой дверью и затхлым запахом мочи в подъезде, где под лестницей в отключке лежит какой-то алкоголик.

Да, возможно, если бы я где-то что-то сделал по-другому, принял какие-нибудь иные решения, я бы здесь не оказался.

Но я здесь, и с этим ничего не поделаешь.

Итак, как я и говорю, всё начинается с моей первой встречи с Розиной-младшей. Она затягивает меня в свою криминальную жизнь, в которой её псих-бывший пытается уничтожить и меня, и её заодно, потому что не может смириться с тем, что Соня теперь встречается с кем-то другим. Из-за него Матвей получает травму головы, которая постепенно начинает сводить его с ума. Парня заклинивает на теме мести, и я решаю ему помочь. Этот момент тоже становится перелом-

ным в моей жизни, ведь, откажись я от этой затеи, всё могло бы быть по-другому.

Но я поддержал друга и в последствии оказался в инвалидном кресле.

Отвечая на вопрос Маши Розиной, который она задала мне, когда пыталась отговорить от нашего безумного плана, я могу лишь сказать одно: я тогда понятия не имел, что мне делать со своей жизнью без бокса. Я не мог даже представить, что вообще смогу существовать, прикованный к коляске, и всё время, что я лежал в постели, пока мой позвоночник восстанавливался, я думал лишь об одном: я хотел умереть, потому что больше не видел смысла в своей жизни, и все попытки Розиной хоть как-то меня подбодрить, лишь угнетали. Я не хотел, чтобы она чувствовала вину, каждый раз смотря на меня, не хотел, чтобы она была со мной из жалости. Да и лишь один взгляд на неё усугублял ситуацию: я постоянно думал о Малийском, я ненавидел и его, и себя, и Розину, потому что меня накрывало отчаяние и безысходность. Ничего не помогало. Любовь к Соне приносила боль, и я оттолкнул её, потому что знал, что рядом с ней ни мне, ни девушке не будет лучше.

Но я восстанавливался на удивление быстро. Сидеть я мог уже через два месяца, а после операции полностью встал на ноги спустя полгода. Плюс на реабилитацию у меня ушло ещё столько же: я постоянно ходил на массажи, физиотерапию и прочую ерунду, куда меня отправляли родители. А

ещё через полтора года я излечился на все сто процентов, и желание снова вернуться в бокс лишь добавляло энтузиазма. Не смотря на все советы врачей, что мне лучше оставить спорт и тяжёлые нагрузки, я решил для себя, что во что бы то ни стало докажу всем: никакие травмы меня не остановят.

Я хочу заниматься боксом, и я буду им заниматься.

Постепенно я начинал тренироваться, держа это в тайне ото всех. Сначала пробежки, потом силовые упражнения, а следом и спарринги. Я собирался вернуться в форму как можно скорее и продолжить путь к своей мечте. Я был уверен в том, что стану первым человеком со сломанным позвоночником, который сможет добраться до профессионального ринга.

Но тело меня не слушалось. Долгий перерыв и травма давали о себе знать, но я не сдавался. И у меня постепенно начинало получаться. Единственное, что постоянно меня преследовало, – это ноющая боль в позвоночнике.

А потом о моих стремлениях заниматься боксом узнал отец. Он запретил мне вообще ввязываться в это дело и сказал, что если я продолжу тренировки, он перекроет мне все пути на ринг. Я знал, что у него есть связи и что отец действительно может сделать так, что меня не допустят даже к любительским соревнованиям.

К тому же в глубине души я понимал, что ни один тренер не возьмётся за меня, если будет знать, что я когда-то ломал позвоночник, и ни одна медкомиссия меня не про-

пустит. Одно дело, если бы я был уже в профессиональном спорте, если бы на меня был спрос, если бы фанаты требовали моего возвращения... А так. Я никто. И скорее всего, уже все были в курсе, что сын Сергея Петровича Штормова, легендарного боксёра, который когда-то выступал на профессиональном ринге, был прикован к коляске. Такое долго не утаишь.

И тогда я ушёл. Собрал вещи и свалил, перестав вообще контактировать со своими родителями. В то время предки Матвею купили ему отдельную студию, чтобы он смог начать жить самостоятельно, и я перебрался к нему. Некоторое время я просто загниваю, совершенно не зная, что мне делать дальше со своей жизнью, бродил по улицам и нарывался на драки с местными гопниками, чтобы хоть как-то напомнить себе о том, что я когда-то был неплохим боксёром.

Тогда меня и заметила Шершень. Она предложила мне поучаствовать в боях без правил, которые проходили в её подпольном клубе.

Это был шанс, который я не хотел упускать, и я согласился. Мне нужны были деньги, адреналин и ринг, а раз я не мог вернуться в бокс, я решил по-другому заполнить дыру в своей груди.

Вскоре я начал набирать популярность и поднимать неплохие деньги, снял квартиру у дряхлой старушенции, которая живёт одна и каждый раз, когда я приношу ей деньги за месяц и помогаю починить что-нибудь, клянётся, что пе-

репишет квартиру на меня и после её смерти я смогу жить там безвозмездно. Я лишь улыбаюсь.

И вот примерно год я уже работаю в «Конечном пункте», довольный тем, как разворачивается моя жизнь, а бокс мне кажется теперь просто детской недостижимой мечтой.

– Что это за место? – Матвей оглядывается, брезгливо следуя за мной по узкой грязной лестнице на второй этаж.

Я осматриваюсь, стараясь как можно реже вдыхать тошный запах вони, и останавливаюсь возле одной из дверей с номером «27». Шмыгаю носом и нажимаю на дверной звонок.

– Нужно кое-что забрать для Шершня, – бросаю я.

Друг по-собачьи смеётся.

– Ты теперь уже на посыльных у неё? – кривится парень.

Я знаю, что он недолюбливает мою начальницу, но мне плевать. Она мне платит за то, что я выхожу на ринг и занимаюсь любимым делом, остальное меня не касается.

– Просто просила заскочить и забрать, – пожимаю плечом.

– Поэтому ты меня с собой взял?

Я ничего не отвечаю. Место, куда мы направляемся. Нет. Человек, в чью квартиру мы сейчас зайдём, может стать последним, кого мы увидим. Всё-таки, если Шершень попросила именно меня прийти в это место, значит, явно что-то может пойти не так, как мы планируем.

– Просто будь на чеку, – бросаю я.

Слышу шаги в квартире, щёлкает замок, дверь открыва-

ется ровно настолько, насколько позволяет ей цепочка. Я вижу парня, выглядывающего из-за преграды. Он ниже меня ростом и глаза у него тошного зелёного цвета.

– Я от Шершня. За товаром.

Парень медлит, бросает взгляд на моего друга, и я поспешно добавляю:

– Он со мной.

Ответа не следует. Дверь закрывается – я слышу возню и звон цепочки – а затем открывается полностью. Нас пропускают в квартиру: я первым переступаю порог, скользя взглядом по стенам и морщась от затхлого запаха травки. Качественной травки.

Матвей прокашливается позади меня, когда за нами закрывается преграда, и шумно выдыхает. Парень, впустивший нас, протискивается мимо и проходит вглубь квартиры: он коренастый и маленький, похожий на карлика-переростка.

Мы неспешно проходим дальше и заходим в гостиную. Шторы здесь занавешены, тусклые лампы освещают диванчик и стеклянный стол, на котором лежат две пачки с порошком. Я надеюсь, что Шершень не послала меня за наркотиками, потому что продавать их в клубе уже перебор. Травка травкой, но кокс переходит все границы. Я ей говорил об этом сотню раз.

Матвей толкает меня локтём в бок и кивает на наркотики, но я лишь хмурюсь. Не нравится мне здесь.

Мы стоим посреди гостиной не больше минуты, наше одиночество прерывает решительно открывающаяся дверь, и мне приходится обернуться.

Я вижу парня примерно тридцати лет с лёгкой щетиной и русыми коротко стриженными волосами, почти такими же, какие были у меня во время учёбы в школе. В его губах зажата самокрутка – парень проходит мимо нас и бросает на стеклянный столик запечатанную пачку. Что внутри неё, я понятия не имею.

– Так, это ты Шторм? – спрашивает он, когда его серые глаза впиваются в меня.

Его левая часть губ поднимается в улыбке. Это больше походит на нервный тик, чем на приветствие.

– Ну, да, – прячу руки в карманах.

Он знает меня? Ну, конечно. Меня многие знают.

– Меня зовут Арчи, – я вскидываю брови. – Арчибальд. Мои родители не блистали умом при выборе имени.

Парень говорит криво из-за зажатой в губах самокрутки, ему приходится перехватить её пальцами и стряхнуть пепел прямо на пол.

– Я слышан о тебе, Егор, – Арчи потирает шею, и та противно хрустит. – Хотел с тобой встретиться. Есть к тебе предложение.

– Хочешь, чтобы я слил следующий бой? – догадываюсь я. Арчи улыбается.

Ну, конечно. Вот, зачем Шершень послала именно меня.

Она знает, что я не работаю на постановочные бои. Я либо выигрываю, либо проигрываю. Поэтому все любят мои спарринги, в них нет игры, нет фальша. Если бы она сама меня попросила о том, чтобы я слил следующему противнику, я бы ни за что не согласился. А, находясь здесь, я вижу, насколько серьёзный заказчик и как опасно ему отказывать.

– Да, – Арчи словно специально кладёт руку на пояс, отодвигая в сторону кофту и показывая припрятанный сбоку пистолет.

Этот человек торгует наркотиками, у него полно власти и связей, чтобы уничтожить не только меня, но и Шершня с её клубом. Если я откажу ему...

– Не за просто так, конечно, – поспешно добавляет Арчи, видя моё неодобрение. – Я знаю, что ты не играешь на ринге, за это тебе особое уважение. Но мне нужно, чтобы ты слил следующий бой. На него будут большие ставки, и я хочу быть уверенным, что мои деньги окажутся в надёжных руках. Заплачу тебе сейчас двадцатку. Как аванс. После боя отдам двадцать процентов от выигрыша. Поверь, это большие деньги.

Я опускаю голову, задумчиво хмурясь. Лёгкие деньги мне не помешают, но слить бой... Чёрт...

– А если я смогу выиграть? – смотрю на Арчи исподлобья. – Не проще ли поставить на меня?

– Не так всё просто, – он заваливается на диван, широко раздвигая ноги. – Твоим противником будет мой племянник.

Это вроде как ему подарок на день рождения, и в то же время бизнес.

Я фыркаю. Ну, да. Как я сразу не догадался. Вечно всякие лузеры пытаются пробиться за счёт денег. Ну, что ж. Отказывать всё равно не вариант, а деньги мне пригодятся.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Один раз. Больше такого не будет.

Арчи расплывается в улыбке.

– Значит, мы договорились, – он смотрит на карлика-переростка и кивает ему, тот тут же скрывается в другой комнате, а через несколько секунд возвращается обратно. – Твои деньги. И товар Шершня. Передай ей, что мне приятно иметь с ней дело.

– Ага, – я забираю две запечатанных пачки и прячу в рюкзак. – Всё?

– Да, можешь идти.

Парень говорит так, словно вообще не замечает Матвея, но тому это на руку. Я киваю, толкаю друга в плечо и первым направляюсь к выходу. Слить следующий бой? Надеюсь, противник будет не слишком немощным, иначе меня просто засмеют, что проиграл такому слабаку. Здесь уже дело будет не в деньгах, а в уважении и в репутации. Я слишком долго зарабатывал её, чтобы вот так просто лишиться...

The Smiths – Asleep

Маша.

Телевизор работает на заднем плане – я сижу на кровати, вытянув ноги и положив ноутбук себе на колени, и пытаюсь дописать отчёт, чтобы отправить его начальнику и не вспоминать о своей работе до понедельника. Впереди у меня выходные и безмятежные ленивые деньки, которые я, как обычно, проведу дома в постели, совершенно ничем не занимаясь.

Миша задерживается. Он обещал прийти к четырём, но уже пол пятого. От работы до дома ему идти минут пятнадцать, так что, наверное, парень заскочил к заведующему, чтобы посмотреть камеру на площадке и выяснить, кто же принёс сегодня письмо.

Мне, если честно, всё равно на эти послания. Они вызывают у меня азарт, нежели страх и паранойю. Разбавляют мою скучную жизнь и вносят в неё хоть какой-то ажиотаж.

Я зеваю, смахивая слезинки с уголков глаз, и размякаю ещё больше, кутаясь в плед и совершенно не горя желанием шевелиться. Леню сковывает меня, и даже мозги перестают работать. Я смотрю в телевизор, где показывают фильм «Инсургент», и несколько минут пытаюсь вникнуть в суть происходящих событий.

Если честно, книги мне нравятся больше. Фильмы, конечно, получились классные, но сценаристы немного отошли от сюжета и в какой-то момент сбились с пути. Логич-

ность пропадает, и важные детали книги просто испаряются в неизвестности. В прочем, так всегда бывает, когда пытаются экранизировать книги.

Вспомнить только попытку создания сериала «Делириум» по трилогии Лорен Оливер, так вообще плакать хочется. Хоть сама берись и снимай. Хотя это и есть мой девиз: *«Хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам».*

Слышу, как открывается входная дверь, – это возвращает меня в реальность, и я отрываю взгляд от телевизора и устремляю его в ноутбук. Нужно скорее закончить отчёт, иначе кое-кто очень наглый попытается отобрать у меня компьютер для своих развлечений. Осталось всего ничего, но мои мозги словно растаявший шоколад.

С мыслями собраться у меня не получается. Шум в коридоре отвлекает, и я прислушиваюсь к шагам. Миша всегда передвигается по квартире шумно, а потом врывается в комнату, словно буря. Спокойная атмосфера сразу же пропадает, и на её место встаёт безудержных хаос, который приносит в мою жизнь Кузнецов. За это он мне и нравится.

Дверь громко открывается, и я перевожу взгляд на парня, который, словно дикий зверь, смотрит на меня в ответ. Миша с грохотом бросает рюкзак на пол, снимает кофту и швыряет в меня. Я лениво поднимаю руку, чтобы поймать её, но та падает мне прямо на голову.

– Что делаешь? – спрашивает Кузнецов.

Откладываю в сторону кофту и снова смотрю в монитор.

– Отчёт пишу, – медленно отвечаю я.

– Збс! – бросает свой маленький рабочий телефон на компьютерный стол. – Завязывай, мне нужен ноут.

Я закатываю глаза и морщусь, лениво перечитывая написанное.

– Дай дописать, – ною я. – Сделай уже свой комп и сиди за ним, ноут вообще-т мой.

– Ага, у тебя деньги есть на новый блок? – Миша стаскивает футболку и бросает на компьютерное кресло, затем снимает джинсы, оставаясь в одних боксерах.

Я кошусь на его обнажённый торс и немного улыбаюсь.

– Иди пока ешь, – говорю я. – Плов в мультиварке. Я допишу отчёт и всё. Мне чуток осталось.

Кузнецов ничего не отвечает и скрывается в ванной. Буквально минут через десять Миша выходит в коридор в одних шортах и исчезает на кухне. Лорд лениво поднимается с моих ног, где он до этого спал, потягивается, спрыгивает с кровати и вальяжно идёт за хозяином, чтобы тоже перекусить. Слышу, как Миша накладывает себе плов в тарелку, гремя посудой, а через пару минут возвращается ко мне в комнату и забирается на кровать, устраиваясь рядом со мной. К этому моменту я практически полностью заканчиваю свою работу.

– Где пульт? – спрашивает парень, устраивая на своих ногах огромную тарелку с горой плова. Я машинально нащупывая у себя под боком пульт и, не глядя, протягиваю его парню. Я знаю, как Миша недолюбливает фильм «Дивергент», –

Кузнецов переключает на 2x2 и ставит «Южный парк». – Смотрел запись сегодня, – бросает парень, набивая рот риги-сом. – Письмо принёс какой-то мальчишка, лет десяти, может, меньше. Лицо было скрыто под капюшоном и в маске Бэтмена.

Я фыркаю и расплываюсь в улыбке.

– Миш...

– М?

– А знаешь, почему я не убиваю мирных людей?

– Ой...

– Потому что я Бэ-э-этмен, – дразню его, вспоминая, как когда-то давно парень так же доставал меня.

– Потому что ты дурачок, а не Бэтмен, – сквозь набитый рот заявляет парень.

Я закатываю глаза, возвращаясь к своему отчёту. Так, осталось только перечитать и отправить, и всё. Добби свободен!

– Я всё думаю, – продолжает Кузнецов. – Кому надо эти карточки тебе присылать.

Я вздыхаю и на мгновение прикрываю глаза.

– Вот, что ты так паришься? – не понимаю я. – Это же мне, а не тебе шлют.

– Да я знаю, – тянет Миша. – Просто калит эта ситуация. Бред же полнейший. Ещё и ребёнка заставляют приносить, чтобы не спалиться. У тебя точно нет никаких дебилов, которые способны на такое?

Я пожимаю плечом, дочитывая отчёт. Недолго молчу, прикусываю губу, копируя документ и перетаскивая его на рабочий стол, после чего открываю почту и отправляю файл начальнику. Всё, дело сделано. Выходные я могу спокойно провести дома, совершенно не задумываясь о работе.

– Блин, – я вздыхаю. – Я не знаю. Может быть, кто-то обо-злился на меня в военкомате. А может...

– Что?

Я качаю головой, немного прикрывая крышку ноутбука, но не закрывая его полностью. Откидываюсь на подушку и устремляю задумчивый взгляд в телевизор, совершенно не вникая в смысл мультика.

– Просто... Помнишь случай, года три назад был... Когда мы с тобой только начинали общаться, – тяну я. – Типа, к моей сестре подкатывал её бывший и...

– А, тот уголовник? – вспоминает Миша. – Он ещё при мне до тебя докапался, чтобы ты его свела с сестрой.

– Да, – я прикусываю губу и вздыхаю. – Саша Малийский. Из-за него потом та фигня с Егором произошла. Штормов в больнице оказался, а Малийского посадили. Просто все эти письма прямо намекают на прошлое и на тот случай... Про это, конечно, могли запросто узнать, но...

– Думаешь, это он? – Миша набивает рот пловом. – Он же, типа, сидит ещё. Или нет?

Я пожимаю плечом.

– По идее, да, – бросаю я. – Я особо не интересовалась

его судьбой. Его посадили, вроде, лет на 8. Не помню. Меня тогда ещё по судам затаскали, как свидетеля.

Кузнецов быстро доедает плов и ставит тарелку в сторону на кровать, после чего забирает у меня ноут и кладёт к себе на колени.

– Вряд ли это Малийский, если он всё ещё за решёткой, – тянет Миша. – Может быть, кто-то из его шайки? Или... Да блин, я даже не знаю. Надо просто поймать парнишку, который приносит письма, и выбить из него, кто его посылает.

– Ага, – безразлично тяну я, наблюдая за действиями Кузнецова. Он запускает «скайп», заходит «вконтакт» и пишет другу, чтобы вытащить его поиграть в «батлу».

– Сделаешь чай, пожалуйста? – просит парень, не глядя на меня.

Я неохотно морщусь, но всё-таки собираю все силы и поднимаюсь с кровати. Забираю тарелку, чтобы отнести на кухню.

– Конфет принести?

– Ага, – зевает Миша. – Пару штучек.

Я улыбаюсь, фыркая себе под нос, и бреду на кухню, думая о словах Кузнецова. Что, если это действительно Малийский стоит за всеми анонимными письмами? Но он в тюрьме. Зачем ему это? Какой смысл запугивать именно меня?

Вряд ли это он. Если бы Саша и решился на такое, чтобы хоть как-то отомстить, то принялся бы за мою сестру или же за Егора. Я вообще здесь не при чём. Не считая последнего

случая, когда я помогла парням вытянуть Малийского, чтобы поймать его.

Чёрт, голова скоро взорвётся от предположений.

Meg Myers – Make a Shadow

Соня.

Притормозив недалеко от нужного мне места, я ловко спрыгиваю с байка и ставлю его на подножку. Изящно сняв шлем, я встряхиваю головой, чтобы поправить волосы, и осматриваюсь.

Клуб, о котором рассказывает мне Лена, находится в другой части города от того места, где я раньше жила со своей семьёй, пока не решила сбежать к тётке в Питер, после того, как моё сердце было жестоко разбито. Я не знаю, когда именно было открыто это заведение, но названия «Конечный пункт» я раньше не слышала.

Вывеска невзрачная и потрёпанная, точно такая же, как в барах, которые показывают в старых фильмах про мафию. Недалеко от входа стоит компания парней и курит, о чём-то болтая.

Сейчас вечер, до темноты ещё пара часов, но, по словам Истоминой, это как раз самое время для веселья. Я решаю приехать пораньше, чтобы разведать обстановку и быть полностью готовой к встрече с анонимом. Осмотревшись по сто-

ронам, я достаю из кармана кожаной куртки пачку сигарет и прикуриваю. Заходить внутрь не спешу, потому что, не смотря на мою решительность разоблачить таинственного преследователя, я дико нервничаю. Об этом говорят мои подрагивающие пальцы, сжимающие сигарету.

Я практически на сто процентов уверена, что письма мне присылает Егор Штормов. Почему именно он? Да потому что больше некому. Я так и представляю, как он сидит в своём инвалидном кресле, проклиная меня всеми словами на свете, ненавидя и вождедея отомстить за то, что я сделала. Это ведь я виновата во всём. Я забрала у Шторма самое дорогое, что у него было. Бокс. Я отняла у парня смысл жизни, и теперь Егор пытается запугать меня своими глупыми бессмысленными посланиями, постепенно сводящими меня с ума.

Только чего он добивается?

Я затягиваюсь, поправляя на локте ремень, на котором висит мотоциклетный шлем, и скольжу взглядом по зданию. Чем-то напоминает зал, в котором когда-то давно занимался Егор, – я часто ждала его внутри на скамейке или же снаружи, если в зале было слишком душно. После тренировки мы всегда гуляли по городу или же ходили в тайные места, которые показывал мне парень. Например в студию, где человек, имени которого я уже и не помню, читал рэп.

Сигарета сгорает, и я начинаю курить фильтр, совершенно не горя желанием направляться в сторону клуба, но вы-

бора у меня всё равно нет. Просто зайду, закажу себе выпить, осмотрюсь и, если ничего подозрительного не обнаружу, вернусь в общагу. Тем более, что мне всё равно нечем заняться.

Выбросив бесполезный бычок под ноги, я машинально наступаю на него ногой, глубоко вздыхаю, собирая всю свою решимость в кулак, забираю ключи от моего железного коня и направляюсь в сторону «Конечного пункта». Пытаюсь унять волнение и дрожь в руках, я прохожу мимо группы парней, бросающих на меня заинтересованные взгляды, и невольно вспоминаю момент из прошлого, когда я точно так же шла мимо группы ребят, в последствии начавших ко мне приставать. Тогда меня спас Егор, заявив им, что я его девушка. В этот раз я и сама могу за себя постоять.

Но незнакомцы не трогают меня. Я спокойно открываю дверь и захожу внутрь – охранник, стоящий возле входа, бросает на меня короткий взгляд, но ничего не говорит.

Я останавливаюсь в метре от выхода и скольжу взглядом по пространству. Здесь... Необычно. Всё сделано из дерева, словно это какой-то старый кабаk на диком западе. Барная стойка справа, в дальнем углу ринг, слева сцена, на которой какая-то джаз-вокалистка исполняет медленную протяжную песню. Столики расставлены хаотично, но в то же время таким образом, чтобы было много пространства для танцпола и можно было бы легко передвигаться. Это помещение одновременно и огромное, и совершенно маленькое. Такое чув-

ство, словно я попала а настоящий вестерн. Так и кажется, что вот-вот ворвутся ковбои и начнут размахивать своими револьверами и шляпами. Завяжется перестрелка.

Я не могу понять, нравится ли мне «Конечный пункт» или же нет, потому что внутри меня настоящее смятение. Это место отличается от любого другого ночного клуба, где постоянно играет оглушающая музыка, реками льётся алкоголь, а толпы подростков так и норовят проскользнуть внутрь, чтобы поразвлечься. Здесь же совершенно иначе. Людей почти нет, но в то же время их достаточно, чтобы не считать заведение пустым. Хотя, вечер только начинается...

Среди них я не вижу ни намёка на Штурмова.

Я коротко вздыхаю и направляюсь в сторону барной стойки, за которой стоит красивая девушка в зашнурованной кофточке, неприлично обтягивающей чертовски огромную грудь. Её волосы собраны в конский хвост, а руки усердно протирают салфеткой стакан. Барменша болтает с одним из посетителей – парень сидит за стойкой спиной ко мне, облокотившись локтём о столешницу. Я присаживаюсь на самый дальний стул, кладу шлем на стол почти на угол стойки и достаю телефон, чтобы хоть чем-то занять себя.

Краем глаза я вижу, что девушка замечает меня, оставляет в покое свой стакан и медленно подходит ко мне. Я поднимаю на неё взгляд и встречаюсь с огромными карими глазами. На её лице играет лёгкая улыбка.

– Налить что-нибудь? – она вскидывает бровь.

Я открываю рот, скольжу взглядом по стеллажам с алко-голем, и теряюсь из-за, казалось бы, безграничного выбора.

– Что-нибудь некрепкое, – безразлично бросаю я.

Барменша медлит, прожигая меня взглядом, затем отходит в сторону и нагибается. Я смотрю на её спину, наблюдая за изящными, но в то же время грубыми движениями. Девушка распрямляется и ставит передо мной бутылку с пивом.

– Самое некрепкое, что у нас есть, – констатирует она, открывая мне бутылку, словно говоря, что мне теперь не отвертеться и что я должна как минимум заплатить за заказ.

– Спасибо.

Я роюсь в кармане, ища завалившиеся сотки, которые недавно припрятала там. Пристальное внимание барменши напрягает.

– Я заплачу, – слышу звонкий голос парня, сидящего слева от меня, с которым девушка недавно разговаривала. – Запиши на мой счёт.

Я вскидываю голову, устремляя взгляд на незнакомца, который только что спас меня от позора, потому что, кажется, я всё-таки забыла засунуть деньги в карман куртки. Или же выронила их на улице, когда доставала пачку с сигаретами.

– Твой счёт? – барменша коротко смеётся, отходя от меня. – Когда ты вообще в последний раз платил за алкоголь? Я спаиваю тебя здесь бесплатно.

– Ты на мне зарабатываешь куда больше, чем я выпиваю,

так что не жалуйся, – его голос постепенно становится тише и перестаёт излучать игривые нотки.

Я смотрю на него, и моё дыхание перехватывает. У парня синяк под левым глазом и рассечена губа, но раны не свежие, им как минимум дня три. Волосы короткие, русые. Лёгкая щетина. Глаза голубые-голубые. Он сидит на барном стуле, облокотившись одним предплечьем о столешницу, вторая рука безвольно висит между его ног.

– Что застыл? – насмешливо тянет барменша. – Влюбился с первого взгляда? На тебя не похоже. Смотри, – она обращается ко мне, – он тот ещё развратник.

Парень не отвечает. Я смотрю на него и совершенно не узнаю. Он изменился, плечи стали шире, волосы короче, лицо более взрослое и грубое, нежели раньше. Глаза тоже. Я видела два его взгляда: когда мы только познакомились и когда расставались. Но этот, нынешний, не похож ни на тот, ни на другой. Этот взгляд нечто иное, совершенно новое.

Егор Штормов, парень, которого я когда-то любила, сидит напротив меня и смотрит так, словно готов вонзиться мне в глотку зубами и разорвать на куски. Или мне просто кажется?

Я поспешно отворачиваюсь, собираясь сделать вид, что не узнала его, но, кажется, уже поздно об этом думать.

Убираю сотовый в карман и хватаю бутылку с пивом, делая глоток и пытаюсь игнорировать пристальный взгляд парня. Проходит целая вечность, прежде чем наше молчание

разрушается.

– Розина, – это даже не вопрос, это утверждение.

– Штормов, – тихо говорю я, не смотря на Егора.

Всё внутри меня сжимается и превращается в месиво. Я не знаю, что думать и что говорить.

Я представляла нашу встречу по-другому. Я думала, что парень будет в инвалидной коляске, замученный и исхудалый, скрюченный, изливающийся ненавистью. Я думала, что поговорю с ним, извинюсь или ещё что-нибудь. Приму любые обвинения, потому что заслужила их.

Но я вообще не ожидала увидеть Егора таким.

– Вы знакомы? – встревает барменша, но никто не обращает на неё внимания.

Я коротко выдыхаю, пытаюсь собраться с мыслями, но воспоминания обрушиваются на меня с такой силой, что я не могу даже шевелиться. Не думала, что встреча с Егором окажется для меня настолько сложной. Я ещё не готова.

Сделав ещё один глоток для храбрости, я медленно поднимаюсь на ноги.

– Уже уходишь? – насмешливо тянет Шторм.

Я хватаю свой шлем и поворачиваюсь лицом к парню, смотря на него сверху вниз и вспоминая, как три года назад на территории больницы, когда снег хрустел у меня под ногами, а мороз сковывал движения, Егор сидел в инвалидной коляске и заявил мне, что ненавидит меня. Невидимая рука сдавливает мою шею и перекрывает кислород.

– Да, – коротко говорю я.

Шторм фыркает и быстро скользит языком по губам. Медлит, затем усмехается и встаёт настолько неспешно, словно всем своим видом показывая, что его ноги в отличном состоянии и что я не смогла сломать их полностью. Егор выше меня, куда выше, чем был раньше. Он скользит по мне взглядом с таким видом, словно получая невероятное удовольствие.

– Не останешься? – почти обиженно тянет парень. – Скоро мой бой. Посмотри хотя бы, раз пришла.

Я бросаю взгляд на ринг, затем скольжу им по телу Штормова и останавливаюсь на ногах. Неуверенность сковывает меня, и я ничего не могу с собой поделать.

– Ты дерёшься? – задаю глупый вопрос, продолжая сверлить взглядом его колени.

– Как видишь, со мной всё отлично, – безмятежно говорит Егор, намекая на свою травму. – А вот с тобой... – я скидываю голову и замечаю его скептическую улыбку. – Катаешься на байке? Светлые волосы? Кожанка? Серьёзно?

Я сжимаю пальцами шлем и сглатываю. Он что, издевается?

– Зачем ты пришла, Розина?

Я переступаю с ноги на ногу.

– Ты же сбежала в тот раз. Зачем вернулась? – голос Егора одновременно и приветливый, и холодный, из-за чего мурашки скользят по моей коже, въедаясь в неё.

– Ты сам меня оттолкнул, – поджимаю губы, смотря ему прямо в голубые немного безумные глаза.

– И? – Шторм вскидывает брови. – Ты кричала, что не бросишь меня не при каких обстоятельствах, а тут я просто психанул, и ты тут же сбежала. Если бы ты действительно меня любила, тебе было бы плевать на мои слова. Кому нужен жалкий колясочник... Ты только и ждала повода, чтобы избавиться от меня.

Меня словно обливают холодной водой. Да что он такое говорит? Я же... Я...

А ведь он прав. Я каждый день говорила, что никогда не оставлю его, что бы не случилось с нами, а стоило ему обидеть меня, так я сразу сбежала. Я прекрасно понимала, что ему тяжело, что он страдает и что я лишь нагнетаю своим оптимизмом, но... Я просто не смогла вынести ту боль и бросила его, хотя до этого чуть ли не кровью клялась, что этого не случится.

– Не правда, – бормочу я, глотая воздух. – Я... Я...

– Я... Я... – передразнивает меня Егор, усмехаясь. – Что ты, Розина? Я лишился бокса по твоей вине. Так, зачем ты вернулась?

Я трясую головой, пытаюсь загнать слёзы обиды обратно.

– Конечный пункт определяешь не ты, – вырывается у меня.

Я собираю все свои силы и смотрю на Егора с таким отращением, на которое вообще способна сейчас, но оно тает

под пристальным скептическим взглядом Шторма.

– Что? – не понимает он.

– Это ты шлёшь мне письма? – напрямую выпаливаю я. – Ты написал это, и я пришла. Сраный конечный пункт! Со знавайся!

Парень теряется, но ухмылка не исчезает с его лица. Он скрещивает руки на груди, защищаясь.

– Ты про карточки со всяким бредом? – недовольно бурчит Штормов. – Мне они тоже приходят, но я давно уже перестал их открывать, так что понятия не имею, о чём ты. Я про тебя ни черта не знаю, и уже не помню даже, когда вспоминал о тебе в последний раз. Мне заняться больше нечем, как тебе писать подобное.

Я поджимаю губы, чтобы парень не заметил, что они начинают дрожать. Обида ещё сильнее стискивает моё горло своими безжалостными пальцами, и единственное желание, которое вертится у меня в голове, – уйти отсюда и больше никогда не возвращаться.

– Но раз ты пришла, тогда почему бы тебе не остаться, Розина? – Егор улыбается. – Ей, Шершень, – парень обращается к барменше. – Поставь мне бой. Сейчас.

– Что? – она озадаченно смотрит в нашу сторону. – Он у тебя заказной через час.

– Мне плевать. Тогда позови Макса, скажи, что хочу размяться. Живо, шевелись.

Девушка кривится, мол, какого чёрта ты раскомандовался

здесь? Она неохотно выходит из-за стойки и исчезает. Егор снова смотрит на меня.

– Что, Розина. Хочешь посмотреть, каким я стал? – Шторм нагибается ко мне почти вплотную. – Каким *ты* меня сделала...

Я ничего не отвечаю – парень ухмыляется и разворачивается.

– Дай мне минуту, Розина. Я покажу тебе, кто я теперь.

Я смотрю в его спину и совершенно не узнаю того Егора Штормова, которого я встретила в школе. Он другой, взрослый и более грубый, не такой наивный и...

Мои ноги словно прирастают к полу – я наблюдаю за тем, как парень на ходу надевает перчатки и запрыгивает на ринг. Толпа девчонок, которая сидит недалеко, взвизгивает и улюлюкает, начиная подбадривать Егора. Он улыбается и что-то говорит им – всё вокруг меня превращается в сплошной водоворот, пол уходит из под ног, и ад затягивает меня в свои глубины.

Второй парень, очевидно, Макс, про которого говорил Шторм, запрыгивает на ринг и разминается. А потом они начинают драться. Не так, как раньше. Движения у Шторма отличаются, они более агрессивные и решительные. Это уже не просто бокс, это бои без правил. Незаконные бои без правил.

Я шумно втягиваю в себя воздух, и, когда Егору прилетает смачный удар коленом в живот, я разворачиваюсь и почти бегом направляюсь к выходу. Всё это слишком сложно для

меня, слишком... Мучительно больно.

Мот – Стелит

Егор.

Я останавливаюсь возле дома Матвея в половину восьмого вечера, глушу мотор, открываю окно и прикуриваю. Мысли вертятся вокруг предстоящего спарринга, в котором я должен буду слить бой ради крупной суммы денег. Мне не нравится эта затея, и я до конца ещё не уверен, смогу ли поддаться противнику. За всю работу в «Конечном пункте» я ни разу не соглашался участвовать в подставном бою, но Шершню всё равно. Даже если я проигрываю, то хозяйка в любом случае зарабатывает прибыль. Мы получаем лишь проценты от своих драк. Победил – тридцать процентов от прибыли на бою. Проиграл, всего десять.

Обычно спарринги проходят с людьми, которые хотят подзаработать на участии. Допустим, ты ставишь штуку, выходишь на ринг против бойцов клуба, и дерёшься. Если выигрываешь, получаешь вдвое больше. Проигрываешь, лишаясь всего. От таких ставок ты получаешь пятьдесят процентов.

Итак, моя зарплата состоит из 30% от прибыли за один бой, либо из 10%, если я проигрываю. Плюс забираю половину от ставки противника. Если день удачный, могу зара-

ботать от пяти штук за несколько спаррингов.

Я хороший боец и редко сливаюсь, поэтому почти все, кто приходит поглазеть на драки, ставят на мою победу. Если бы я договаривался с начальницей, и мы бы делали подставные бои, то я получал бы гораздо больше, но какой в этом смысл? Я дерусь не ради денег, а ради удовольствия. Если бы мне нужны были бумажки, я бы нашёл нормальную стабильную работу и занимался бы рутинной.

Шумно выдохнув дым, я смотрю на подъезд, из которого должен выйти Матвей, и постукиваю пальцами по рулю, задумчиво хмурясь.

Этот Арчи... Если я не солью бой, не только у меня будут проблемы. Надо поговорить с Шершнем, чтобы она завязывала общаться с подобными людьми ради хорошей травки, которую так любят наши постоянные посетители. Если о нас прознают в полиции, тогда быстро прикроют лавочку. Но Хозяйка осторожна. Продаёт только проверенным людям. Хотя... Интересно, меня тоже заметут, если будет облава?

Я Шершню сразу сказал, что сдам её с потрохами, если подобное случится. Мне за решётку как-то не особо хочется.

Достаю из кармана телефон и звоню Матвею. Ну, где он? Сказал же, что уже почти готов... Хочу подтянуть парнишку в наш клуб, чтобы он хоть чем-то занялся, а то в последнее время совсем загибается. В отличие от меня, Митя всё никак не может вылезти из того дерьма, в котором оказался три года назад. Я взлетаю, а он падает. Хотя... Кажется, его

травма была куда серьёзней моей, но и моя мечта была куда выше его.

Высовываю руку из окна, облокотившись на него локтём, и сбрасываю пепел. Друг не отвечает. Убираю сотовый в карман и решительно выхожу на улицу, даже не закрывая авто. Бросаю бычок в траву и направляюсь в сторону подъезда, мысленно проклиная Матвея за то, что он такой непунктуальный.

Дверь в его квартиру не заперта, и мне даже не приходится доставать запасные ключи. Я захожу внутрь и морщусь из-за запаха протухшей пиццы, кусок которой лежит на столе. Холодильника, типа, не существует в этом доме?

Замечаю друга на кровати, укутанного одеялом.

– Серьёзно?! – громко вскрикиваю я, и парень начинает шевелиться, зарываясь ещё сильнее. – Вставай, Матвей, сколько можно спать? Что ты по ночам делаешь?

Я пересекаю студию и решительно хватаю одеяло, стаскивая его с бесполезного тела. Матвей стонет.

– Отвали, – хрипит парень.

– В смысле? – возмущаюсь я, толкая его в плечо и пытаюсь расшевелить. – Я тебе звонил полчаса назад, ты сказал, что уже готов ехать, какого чёрта опять случилось?

Матвей с трудом садится и смотрит на меня так, словно желая мне мучительной смерти. Я скрещиваю руки на груди, вопросительно вскидывая бровь.

– От таблеток меня клонит в сон, – пожимает плечом па-

рень после продолжительного молчания.

Я поджимаю губы.

– Ты у врача был?

– Да.

– И?

Он морщится и неохотно поднимается на ноги, потягиваясь. На мой вопрос, очевидно, отвечать он не собирается.

– У тебя пятнадцать минут, чтобы сходить в душ, а потом мы едем к Шершню, – констатирую факт, пристально наблюдая за Матвеем.

– Ага, – безразлично отмахивается парень, лениво направляясь в сторону ванной.

Когда дверь за ним закрывается, я осматриваю комнату. Здесь срочно требуется генеральная уборка, квартира похожа на свалку: по полу разбросаны пустые бутылки из-под пива, какие-то бумаги, пакеты и одежда. Запах отвратительный: смесь стухшей еды и пота. Я подхожу к окну и распахиваю шторы, выпуская хотя бы немного света в это мрачное помещение. Открываю окно, чтобы выветрить затхлый запах. Становится легче. Выглядываю на улицу и проверяю наличие своей машины. Малышка стоит на том же месте, где я её и оставил.

Её уже как-то угоняли с этого района, потому что мне вечно лень закрывать двери, но я быстро нашёл этого самоубийцу и доходчиво объяснил, что будет с ним или с кем-либо из его знакомых, если ещё хоть раз у меня попытаются

угнать тачку. Сомневаюсь, что после такого кто-нибудь захочет присвоить авто себе.

Слышу звуки льющейся воды, зеваю и решаю хотя бы немного убрать мусор. Я успеваю только собрать пустые бутылки и избавиться от вонючего куска пищи, когда Матвей лениво выползает из ванной и направляется к шкафу, чтобы выбрать чистую одежду. Не глядя достаёт футболку и джинсы, переодевается быстрее, чем я рассчитываю.

– Я готов, – говорит друг.

Я оценивающе осматриваю его. Выглядит он сносно. По крайней мере, лучше, чем в момент, когда я вытащил его из постели.

– Пошли, – направляюсь к выходу, доставая сотовый из кармана и смотря на время.

Почти восемь. Я вздыхаю, потому что моя затея приехать пораньше на работу проваливается, и поспешно спускаюсь по лестнице вниз, пока Матвей закрывает квартиру. Вырываюсь на улицу и подхожу к машине, уверенно забираясь внутрь. Завожу мотор и смотрю на подъезд. Проходит буквально минута, прежде чем дверь открывается, выпуская моего друга из здания, – он прячет руки в карманах, неохотно добираясь до машины и садясь на пассажирское сидение.

Резко поменяв передачу, я трогаюсь с места и еду прямоком в «Конечный пункт».

– Только будь поразговорчивее, – прошу я, когда мы приезжаем в нужное место. Я паркуюсь недалеко от заведения и

выхожу из авто, Митя повторяет за мной. – И хоть улыбайся.

– Ага, – бурчит парень, хлопывая дверь.

Я закрываю авто и осматриваюсь. Что ж, мой первый бой, который я должен слить в этом заведении, должен начаться уже через несколько часов. Когда именно, надо уточнить у Шершня.

– Никогда мне не нравилось это место, – жалуется друг, но я не обращаю на него внимания и направляюсь в сторону входа.

Ничего, понравится. Нужна работа, любое место станет привлекательным, даже туалет.

– Привет, Тим, – здороваюсь с охранником, и тот кивает мне.

Захожу внутрь, скользя взглядом по помещению. Ещё слишком рано для ажиотажа, но народу здесь достаточно. «Конечный пункт» – круглосуточное заведение. Оно закрывается только с пяти до восьми утра, чтобы можно было убраться после ночной смены и подготовиться всё к дневной. Работников здесь достаточно. Днём здесь обычный бар, где можно перекусить и провести время, хотя народу в этот период не настолько много, чтобы получать хорошую прибыль, а вот к вечеру уже начинается самое интересное.

Замечаю Шершня за барной стойкой (девушка любит поработать в своём заведении, особенно, когда ей нечего делать) и направляюсь прямо к ней.

Шершень или Аня Шершнёва, как её ещё называют, пыш-

ногрудая девушка с длинными тёмными волосами и большими карими глазами двадцати семи лет, разведена, детей нет и не может быть. Её бывший муж когда-то заставил её сделать аборт, после чего она стала бесплодной. Из-за того, что она так и не смогла в последствии забеременеть, они и развелись.

А ещё у неё на правой ягодице, ближе к пояснице, большая родинка в виде разбитого сердца. Откуда я это знаю? Потому что я спал с ней.

– Йоу, – с размаху сажусь на барный стул. Девушка кивает, затем переводит взгляд на Матвея, который присаживается рядом со мной. – Привёл тебе нуждающегося в работе и умоляющего тебя принять его в эту божественную забегаловку.

Аня скептически смотрит на моего друга, криво усмехаясь.

– Что-то не заметно, что он умоляет, – фыркает она.

– Он мысленно, – отмахиваюсь я. – Он недавно проснулся, у него лицо обычно помиловиднее, – шучу я, толкая Матвея в бок, но тот, кажется, не оценивает мою шутку.

Шершень лениво протирает стакан и недолго молчит.

– Есть у меня для тебя работёнка, – тянет девушка. – Если ты не против замарать руки.

– Туалеты мыть не буду, – безразлично бормочет парень, и я уже собираюсь пнуть его, потому что, какая разница, что делать, главное, чтобы было занятие и платили за него. Ну, да, сказал тот, кто любит свою работу.

– И не придётся, – смеётся девушка. – Если ты согласен, отдам тебя в руки тому, кто тебе всё объяснит.

Матвей пожимает плечом, мол, без разницы. Делайте, что хотите. Девушка усмехается и поворачивается в сторону двери, уходящей к административным помещениям.

– Эй, рыжий! – кричит она официанту. Её голос звонкий и властный. – Отведи этого парнишку к Лёше. Скажи, что это его новый помощник, пусть объяснит, что ему делать.

Я толкаю Митю локтём в бок, чтобы он, наконец, проснулся и поднялся на ноги. Друг медлит, затем неохотно встаёт и зевает, скучающе направляясь в сторону официанта. Парни скрываются из виду – я поворачиваюсь на стуле спиной к выходу и подпираю голову рукой.

– К Лёше? – скептически спрашиваю я. – Хочешь из него посыльного сделать?

– Ну, типа того, – Шершень пожимает плечом. – Деньги нормальные, утруждаться особо не надо. Тем более, что предыдущий уволился. Или ты хочешь, чтобы я заставила его мыть туалеты?

– Ну, – я кривлюсь. – Лучше бы туалеты... Когда там мой бой? С этим типом от Арчи.

Аня шумно выдыхает, отставляет в сторону стакан и ловко завязывает распущенные волосы в хвост, затем заново принимается за протирание стаканов.

– По идее, через час, – бормочет она. – Но они постоянно опаздывают, да и Арчи ещё не звонил, так что, возможно, ближе к одиннадцати, двенадцати, если не позже.

Я поджимаю губы, потому что терпеть не могу неопреде-

лённость. Смотрю на дверь, где скрылся Матвей, и недолго молчу. Работа другу понравится: ходишь, относишь разные счета и деньги, почти ничего не делаешь. Даже думать не надо.

– Знаешь, – тяну я. – Завязывай ты с Арчи.

– Почему?

– Мутный он тип.

– Ну, да...

Слышу, как позади меня открывается входная дверь, впуская нового посетителя, но не оборачиваюсь. Смотрю на ринг, на котором в скором времени я должен буду проиграть и получить за поражение неплохую сумму, и меня охватывает тоска.

Шершень оставляет в покое свой стакан и медленно направляется к посетителю.

– Налить что-нибудь? – спрашивает Аня.

– Что-нибудь некрепкое, – женский безразличный голос отрывает меня от своих мыслей, и я лениво поворачиваюсь на стуле, чтобы взглянуть на посетителя.

Это блондинка. Её пряди волос скрывают часть лица, и отсюда я не могу разглядеть, симпатичная она или не очень. Девушка тонкая и изящная, в кожаной куртке. На столе рядом с ней лежит мотоциклетный шлем. Она ещё и байкерша... Интересно.

Аня отходит от девушки и достаёт из небольшого холодильника пиво, затем возвращается обратно.

– Самое некрепкое, что у нас есть, – констатирует она, открывая бутылку и ставя её перед посетителем.

– Спасибо.

Девушка роется в кармане, ища деньги, но делает она это чуть дольше, чем надо. Шершень пристально смотрит на неё.

– Я заплачу, – нахально бросаю я, решая, что неплохо было бы познакомиться с этой девчонкой. – Запиши на мой счёт.

Блондинка вскидывает голову, смотря на меня, и я усмехаюсь. А она ничего такая, миленькая.

– Твой счёт? – Аня коротко смеётся, подходя ко мне. – Когда ты вообще в последний раз платил за алкоголь? Я спиваю тебя здесь бесплатно.

– Ты на мне зарабатываешь куда больше, чем я выпиваю, так что не жалуйся, – я отвечаю ей машинально, потому что пристальные зелёно-коричневые глаза впиваются в меня настолько удивлённо и даже испуганно, что я теряюсь, потому что этот чёртов взгляд выжигает у меня в груди дыру, словно от дьявольски огромной сигареты.

Я их знаю. Видел когда-то.

Но это единственное, что я узнаю в человеке, сидящем напротив меня. Не смотря на то, что всё остальное мне дико незнакомо, я вспоминаю его. Её. Я знаю, кто она.

– Что застыл? – насмешливо тянет Аня. – Влюбился с первого взгляда? На тебя не похоже. Смотри, – она обращается к девчонке, – он тот ещё развратник.

Я не отвечаю, пропуская мимо ушей её ехидное замечание.

Блондинка поспешно отворачивается, убирает телефон в карман куртки, хватая бутылку тонкими пальцами и делает глоток. Собирается притвориться, что не узнала меня? Я же видел по её глазам, что это совершенно не так.

– Розина, – вырывается у меня, и тайная мысль глубоко в груди скребётся, надеясь, что я ошибаюсь. Мало ли, у кого ещё могут быть такие прожигающие глаза.

– Штормов, – тихо отзывается блондинка, и все мои надежды рушатся, словно плохо сооружённая башня из детских кубиков.

Соня Розина сидит на другом конце барной стойки и не смотрит в мою сторону. Что она здесь делает? Случайно забрела в этот клуб, совершенно не ожидая меня здесь встретить? Какова была вероятность, что она выберет именно этот день, это время и это место?

Зачем она пришла?

Нет. Зачем она приехала в этот город? Почему вернулась, спустя столько лет? Насколько я знаю, Соня уехала к тётке в Питер и совершенно не собиралась возвращаться, потому что оборвала все связи как с родителями, так и с сестрой. Она сбежала, потому что я прогнал её.

«Она в городе».

Письмо, которое мне прислали недавно с удалившейся странички. Так, значит, речь шла о Розиной?

– Вы знакомы? – встречает Аня.

Я в замешательстве. Нет. Я в ужасе, потому что все мои логические кирпичи, которые я выстраивал всё это время внутри себя, рушатся прямо в этот момент. Ужас меняется на страх, а потом и на злость. Нахрена она вернулась? Чтобы снова уничтожить всё, что у меня есть? В этот раз я не позволю это сделать. Тот наивный мальчишка, жаждущий покори́ть профессиональный ринг и готовый рисковать всем ради своей любви, сдох под колёсами машины, сломавшей ему позвоночник.

Блондинка делает ещё один глоток, а потом поднимается на ноги.

– Уже уходишь? – насмешливо спрашиваю я, пытаюсь скрыть свою нервозность и негатив.

Она берёт свой шлем и поворачивается ко мне, впиваясь своими ядовитыми глазами.

– Да, – коротко и тихо отзывается Соня.

Я фыркаю, быстро скольжу по губам языком, затем усмехаюсь и медленно встаю на ноги, словно смакую каждое своё движение. В последний раз, когда мы с ней виделись, я сидел в инвалидной коляске, теперь же я полностью здоров. Я стал гораздо выше Розиной, а она заметно похудела. Стала изящней и привлекательней.

– Не останешься? – притворно спрашиваю. – Скоро мой бой. Посмотри хотя бы, раз пришла.

Она бросает взгляд на ринг, затем скользит им по мне и

останавливается на моих ногах. Соня смотрит на меня с таким видом, словно до конца не может поверить в то, что я могу ходить. Или думает, что у меня вместо ног протезы?

– Ты дерёшься?

– Как видишь, со мной всё отлично, – отмахиваюсь я. – А вот с тобой... – она резко вскидывает голову, и я скептически улыбаюсь, понимая, что задел за живое. – Катаешься на байке? Светлые волосы? Кожанка? Серьёзно?

Она нервничает. Нет, она пытается злиться, но у неё ничего не получается.

– Зачем ты пришла, Розина? – холодно спрашиваю я.

Она переступает с ноги на ногу.

– Ты же сбежала в тот раз. Зачем вернулась? – я сильно сжимаю зубы, негодуя от одного её присутствия. Я выбит из колеи и обескуражен этой встречей, а я терпеть не могу такие моменты.

– Ты сам меня оттолкнул, – она смотрит мне в глаза.

– И? – я вскидываю бровь – Ты кричала, что не бросишь меня не при каких обстоятельствах, а тут я просто психанул, и ты тут же сбежала. Если бы ты действительно меня любила, тебе было бы плевать на мои слова. Кому нужен жалкий колясочник... Ты только и ждала повода, чтобы избавиться от меня.

Я почти осекаюсь, потому что только сейчас вдруг понимаю, что всё это время был обижен на неё за этот поступок. Я был тогда сломлен и подавлен, я готов был срываться на

всех, кто был рядом со мной, потому что я утопал в отчаяние. И я оттолкнул её. Я не хотел, чтобы она смотрела на меня с разочарованием и с сочувствием. Потом я жалел об этом поступке, но факт того, что девушка просто так взяла и сбежала из города, оставив всё, даже меня, лишь доказывал, что я, инвалид, был ей не нужен.

А теперь у меня всё прекрасно, и пусть она подавится своей беспомощностью.

– Не правда, – бормочет Розина, глотая ртом воздух, словно собираясь развеяться. – Я... Я...

– Я... Я... – передразниваю её, злясь ещё больше. – Что ты, Розина? Я лишился бокса по твоей вине. Так, зачем ты вернулась? – я уже не контролирую то, что говорю. Эмоции берут верх надо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.